

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

КАЗНЬ

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Петля

Сергей Бакшеев

Казнь в прямом эфире

«Автор»

2020

Бакшеев С. П.

Казнь в прямом эфире / С. П. Бакшеев — «Автор»,
2020 — (Петля)

ISBN 978-617-12-8318-3

Новостные каналы получают ссылку на сайт «Суд Народа». На прямой трансляции прикованный к стулу педофил. Через 72 часа народное голосование решит его участь. Чиновники требуют прекратить беспредел, ведь право на суд есть только у власти. В ходе расследования Елена Петелина выясняет, что накануне педофил похитил девочку. Только он знает, где она находится. Время на таймере неумолимо тает. Люди ждут справедливого возмездия. Но если педофила казнят, похищенная девочка не выживет.

ISBN 978-617-12-8318-3

© Бакшеев С. П., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Бакшеев

Казнь в прямом эфире

Глава 1

30 мая. 3 дня до начала казни

Человек в черном анорাকে с надвинутым на лоб капюшоном открыл железную дверцу и втащил в темный проем огромный, но не тяжелый сверток. Сразу прикрыл дверь, задвинул засов и оказался в полной темноте. Он перевел дух и нажал выключатель. Вместо обычной лампочки над его головой вспыхнуло трехцветное табло из трех горизонтальных полос, расположенных друг под другом.

Цвета вспыхивали по очереди сверху вниз через каждые пять секунд: зеленый-желтый-красный, и снова сначала. Освещение выходило так себе: дальние углы небольшого помещения тонули во мраке, повторяющееся мигание способно вывести из себя кого угодно, если находиться здесь долго, впрочем, на это и был расчет. Однако главная функция световой панели иная – табло оглашало приговор.

На каждой пластине высвечивалось слово – будущее решение суда. На верхней зеленой – «Помиловать»; на средней желтой – «Кастрировать»; на нижней красной – «Казнить». Сверху вниз, от цвета жизни к цвету огненной стихии как своеобразные ступеньки в преисподнюю для того, кто будет вынужден смотреть на это табло. Смотреть и мучительно ждать, на какой пластине замрет освещение.

Когда-то в мрачном боксе без окон располагалась шиномонтажная мастерская, а сейчас – это современная камера казни, где роль палача исполнит техника. Бетонные стены и потолок оклеены звукоизоляционными панелями, на железных воротах два слоя звукоизоляции. Кричать бесполезно, снаружи не слышно – проверено на громкой музыке. Да и любопытных рядом нет, бокс оброс густым кустарником, а перед фасадом проходит старая дорога, которой почти не пользуются после прокладки по соседству современной автомагистрали.

В центре помещения к бетонному полу привинчен сварной железный стул с подлокотниками – такой не сломаешь. Подсудимый, который будет прикован к роковому стулу, увидит перед собой мигающие варианты своей судьбы. Он приговорен смотреть на мерцающее табло трое суток, семьдесят два часа, четыре тысячи триста двадцать невыносимо долгих минут. И каждую минуту он четырежды увидит как страшный, так и желанный приговор.

За трое суток люди проголосуют по воле совести и на табло останется гореть единственный цвет – народный приговор. Минута одноцветного свечения – и наступит развязка. Воля народа будет приведена в исполнение. Процесс завершится автоматически, без участия палача.

Да, судебное заседание пройдет не по букве закона, зато, по справедливости. Ведь каждый проголосовавший – тот же присяжный заседатель, подавший свой голос за то или иное решение, а человек, организовавший процесс, всего лишь делопроизводитель, если хотите, секретарь Суда Народа.

Так себя и воспринимал человек в анорাকে, вошедший в камеру казни. Он даст народу право проголосовать, вынести вердикт подсудимому. Как народ решит, так и будет. От него уже ничего не будет зависеть.

Чтобы выбор народа был осознанным, и устройство сработало четко, требовалось провести натуральный эксперимент, максимально приближенный к будущей реальности. Нужно наглядно продемонстрировать результаты – пусть люди видят, за что голосуют.

Секретарь суда развернул принесенный сверток. Под ворохом пленки оказался пластиковый манекен – мужской сидячий натуралистичный. Он нашел его по частному объявлению

в соседней области и приобрел за наличные – мелкий предприниматель распродал оборудование прогоревшего магазина.

Секретарь усадил манекен в железное кресло, приковал цепью ноги, руки и грудь безликой куклы крест-накрест. Концы всех цепей свел к единому карабину, который раскроется, если народ дарует пленнику зеленый цвет.

На бугорок выступающего паха манекена он накинул тонкую стальную петлю. Присоединил ее концы через специальное устройство к розетке. Это на случай «желтого» решения.

Для третьего варианта, казни, имелось нехитрое приспособление в виде двухпудовой гири, подвязанной к железной балке под потолком на растяжке.

Итак, подготовка закончена, натуральный эксперимент можно начинать.

Секретарь будущего суда отошел к двери, достал смартфон, загрузил демоверсию специально созданного сайта с говорящим названием – Sud Naroda. Включил программу управления, над его головой заработала видеочамера, направленная на сидящий в центре манекен. На голом торсе пластикового узника в закольцованном режиме отражался зеленый, желтый и красный свет. Картинка через сайт выводилась на дисплей смартфона, трансляцию смогут увидеть все желающие.

Секретарь суда некоторое время смотрел в телефон, прикидывая реакцию зрителей. Возможно, такие кадры усыпят некоторых – безликий манекен не реагировал на свет. Но когда на стуле будет дергаться живой подонок с гаммой эмоций на лице, и в режиме реального времени будут меняться результаты голосования – тут уж «присяжные» не соскучатся. Тем более, когда увидят, что ждет подсудимого.

Допустим, народ дарует узнику свободу.

Секретарь ткнул пальцем в зеленую кнопку на дисплее. Мигание прекратилось, камера казни осветилась спокойным зеленым светом, на табло горело слово «Помиловать». Прошла минута, за стулом что-то щелкнуло и цепи со звоном упали на пол. Будь там живой человек, он мог бы встать и уйти. Свобода!

Секретарь Суда Народа подавил внутреннее недовольство, сердце противилось такому исходу, однако не ему решать судьбу узника. У него, как и у всех, будет всего один голос, и он не готов отдать его за помилование.

Он вновь стартовал круговерть трехцветного освещения, выждал несколько циклов и нажал второй вариант приговора – Кастрировать. Помещение на долгую минуту погрузилось в тревожный желтый свет. Затем включился электроприбор и в считанные секунды раскалившаяся до бела стальная петля затянулась и обрезала мошонку манекена. Запахло жженой пластмассой.

Секретарь понимал, для живого человека это болезненная процедура, но не смертельная. Кастрация произойдет быстро, горячая проволока оплавит сосуды и не даст жертве истечь кровью. К тому же вслед за обрезанием разомкнется карабин, удерживающий пленника, и он сможет выйти из камеры казни.

Если, конечно, народ не выберет третий вариант – яростный красный!

Секретарь снова включил табло голосования, вытер вспотевшие руки, глубоко вздохнул и нажал красную кнопку. Кровавый туман заполнил темное помещение. В красном свете даже лицо манекена казалось испуганным, каково же будет состояние узника, когда он увидит, на табло народный приговор – «Казнить».

Обреченный на смерть наверняка поднимет взгляд на тяжелую гирю, привязанную к потолку, подобно взведенному маятнику. Бедняга до последней секунды будет надеяться на чудо, но в том-то и прелесть бездушной техники, она не подвластна эмоциям и не дрогнет. Смертельный снаряд сорвется с потолка и полетит по заданной траектории.

Бух!

Так и произошло. Чугунная гирия ухнула, разогналась по дуге и разможила грудь манекена вдребезги, гулко стукнувшись о железный стул. То, что удар пришелся не в голову, а в грудь, было задумано – мгновенная смерть слишком гуманна для отъявленных подонков. Пустотелая пластиковая кукла разлетелась на куски, а узник погибнет не сразу. У него будут минуты агонии, чтобы прочувствовать мучения своих жертв на собственной шкуре.

Ну, что ж, техника сработала четко, оборудование выдержало – замечательно!

Секретарь Суда Народа остановил видеозапись и закрыл сайт. Современная камера казни, подвластная лишь воле народа, готова к использованию.

Он убрал в пакет пластиковые обломки манекена и освободил стул для подсудимого. Скоро на месте куклы окажется настоящий подонок – туда ему и дорога!

А еще через трое суток народ вынесет реальный приговор.

Глава 2

2 июня. Первый день казни

В начале июня на столицу обрушилось жаркое удушливое лето, и Елена Петелина, как заботливая мамочка, перебралась с девятимесячным малышом из шумного мегаполиса в подмосковный санаторий. Она настроилась правильно питаться, много гулять, посещать спа-центр и обязательно испробовать йодобромные ванны и лечебные грязи, обладающие по слухам чудотворным эффектом.

Что ни говори, а сидячая работа в Следственном комитете и роды в сорок лет здоровья женскому организму не прибавляют. Лишние килограммы прилипли к бокам, никак не сбросить. На животе появились растяжки, а после утреннего расчесывания на щетке остаются волоски в пугающем количестве – всем этим надо заниматься и лучше подальше от домашних тапочек, безразмерного халата и коварного холодильника.

Помимо сынишки Саши, которому несомненно пойдут на пользу свежий воздух и занятия в бассейне, Елена взяла с собой незаменимую помощницу – маму Ольгу Ивановну.

Елена лежала на кушетке, с ног до подбородка обмазанная черной грязью, когда зазвонил ее телефон. По особой мелодии старший следователь поняла, что вызывает кто-то из начальства. Это было неожиданно, ведь она находится в отпуске по уходу за ребенком и не оставила никаких «хвостов» на службе. Взять в грязные руки телефон не представлялось возможным, и Петелина попросила медсестру включить громкую связь.

Звонил полковник Шумаков из Главного управления МВД. Он был краток, говорил из движущейся машины и, чувствовалось, что спешил.

– Петелина, ты не закисла без работы? Готова поучаствовать в необычном деле?

«Запачкалась по уши», хотелось пошутить Елене, но подсознание вдруг вытолкнуло:

– Когда?

– Сейчас, – нисколько не удивившись ответил полковник.

– А что за дело? – уже осознанно спросила следователь, ощущая, как в сонной голове и расслабленном теле словно заиграли пузырьки шампанского.

– За тобой заедут.

– Я не дома, в санатории... – встрепелась Елена, но договорить ей не дали.

– Собирайся и жди! – отчеканил Шумаков и отключил связь.

Женщина аж приподнялась на кушетке. Приказывать легко, а про ее ребенка он помнит? Хотя, Шумаков ничего не упускает из виду. Если знает про санаторий, то и об остальном в курсе. Но почему подробностей не рассказал? Впрочем, дела в главке сплошь серьезные. Полковник мчится, как на пожар, значит, дело безотлагательное. Уж не к ней ли он сам заедет?

Елена провела ладонью по маслянистой грязи, покрывающей голое тело – хороша будет встреча.

– Еще десять минут! – строго предупредила медсестра, видя, как пациент решительно покидает кушетку.

Какое там! Елена отмахнулась и пошла в душ. Пока смывала лечебную грязь соображала: что надеть?

Деловые костюмы пылятся дома, джинсы неприлично обтягивают располневшие бедра, про спортивную форму и удобные шорты вообще лучше молчать, остается только летнее платье с жакетом. Недавно купила новый наряд, приберегла для встречи с мужем в воскресенье. Платье без рукавов, кремовое, полуприлегающего силуэта, по подолу мягкие складки с крупными розовыми цветами. Жакет тоже розовый и, что важно, без застежки, не сдавливает увеличившуюся грудь. Для вечера примирения с мужем – лучше не придумаешь, а вот для работы следователем...

Да что тут думать, выбора все равно нет! Еще бы успеть волосы подкрутить.

Спустя полчаса за Еленой Павловной Петелиной приехал спокойный увалень Иван Майоров. Новоиспеченный капитан полиции еще недавно служил оперативником в районном отделе вместе с Маратом Валеевым, гражданским мужем Елены. Напарники часто выполняли ее поручения, не обременяя докучливыми формальностями. Следователь немного жалела об уходе надежного опера на повышение, но жизнь есть жизнь, мужчина должен строить карьеру.

Вместо проверенного в деле друга Валееву досталась в напарницы старший лейтенант Татьяна Токарева – ох, уж эта феминизация и равноправие полов! К молодой бойкой оперативнице, за горячий нрав и решительные действия, быстро приклеилась кличка ТТ, по аналогии с названием убойного пистолета. От такой проныры можно ждать чего угодно и не только в работе, но и в личных отношениях. ТТ – девушка без комплексов.

После рождения малыша Елена невольно отдалилась от Марата, а тут еще повод для ревности появился. И мысли всякие лезли, что он мало помогает, не дарит цветы, даже продукты ей самой приходится покупать, а совместных прогулках втроем с малышом и мечтать не приходится.

Последней каплей, переполнившей чашу раздражения, была грязная посуда, которую Марат свалил на ночь в раковину. Даже не сполоснул, козел! Он вечно приходит поздно, она оставляет ему ужин, плохо спит из-за малыша, а утром ей грязный подарочек. Она для него кто – кухарка-посудомойка?

Не стала мыть и в тот же день укатила в санаторий. Хотелось преподать мужу урок, оставить за дверью квартиры усталость, ревность, домашние хлопоты и мелкие обиды, способные разрастись до семейных скандалов.

Марату поставила условие, что они будут встречаться только по воскресеньям. И пусть готовится к встрече, как к первому свиданию.

Старшая дочь Настя, включенная в молодежную сборную по керлингу, сейчас находилась на сборах по общефизической подготовке в Санкт-Петербурге. Она так хотела попасть к сильному тренеру, чтобы прогрессировать, как спортсменка, и вот ее желание осуществилось. Обычно, если у дочери все в порядке, она не звонила и не напоминала о себе. Но в последние дни выходила на связь регулярно, жаловалась на ерунду и что-то явно не договаривала.

Оставив малыша удивленной матери, разгоряченная сборами Елена выпорхнула на парковку и плюхнулась в автомобиль оперативника.

– Фу! Рассказывай! – выдохнула она, разгладив складки нарядного платья.

Однако необщительный Майоров ее разочаровал. Его самого неожиданно выдернули с выполнения другого задания и срочно отправили за ней в санаторий.

Он мчал машину с включенной мигалкой и оправдывался:

– Полковник Шумаков все объяснит. Оперативный штаб назначен в Красногорске.

– Штаб! – уважительно округлила глаза следователь и тут же нахмурилась, пробормотав: – Да что, черт возьми, стряслось?

До Красногорска доехали быстро, санаторий располагался рядом. Штаб расследования оказался в местном управлении полиции. По количеству служебных машин на близлежащих подъездных дорожках Петелина поняла, что к операции, как неводом рыбешку, привлекли массу сотрудников из соседних отделов полиции.

На главное совещание Петелина не успела. Навстречу ей из зала заседаний выходили озабоченные оперативники. Они не брюзжали, как обычно, не зубоскалили по пустякам, даже ее в ярком платье проигнорировали, потому что пялились в телефоны. Кажется, у всех на дисплеях была одна и та же картинка.

Следователь пропустила оперативников и вошла в опустевший зал.

На возвышении около центрального стола она увидела Шумакова. Геннадий Александрович был в гражданском костюме и отдавал распоряжения местному начальнику управле-

ния полковнику Головину. Тот был полноват, всегда носил форму, хмурил брови и отличался прямолинейностью солдафона.

Оба полковника заметили нарядную женщину и не сразу признали в ней старшего следователя Следственного комитета.

Головин хотел было прикрикнуть на постороннюю, но Шумаков сообразил первым:

– Елена Павловна, рад, что ты с нами. – Он поманил ее рукой и развернул ноутбук. – Ты посмотри, что происходит!

Петелина приблизилась к темному дисплею ноутбука, ощущая нарастающую тревогу. Она села за стол, чтобы лучше разглядеть картинку, и обомлела.

В мрачном помещении без окон к железному стулу с подлокотниками был прикован цепями мужчина средних лет. На его испуганном лице с равномерной периодичностью отражался свет: зеленый, желтый, красный. Мужчина напрягался, дергался, пытался освободиться, но тонкие цепи впивались в его тело и причиняли боль. Он что-то злобно бормотал, иногда возмущенно выкрикивал и даже орал, однако его голоса не было слышно.

– Что это? – вырвалось у следователя.

– Читай вверху – суд народа! И время тикает, мать его так! – Шумаков раздраженно выругался.

В верхней части экрана действительно имелся жирный заголовок – Суд Народа. А в углу мелким шрифтом – Заседание № 1. Рядом щелкал таймер обратного отсчета. Пока Елена рассматривала неприятную сцену цифры на табло с обозначениями дней, часов и минут усохли с 02:21:05 до 02:21:03.

– Какого народа? – недоумевала следователь.

– Народ у нас один, и они уже голосуют. Это прямая трансляция.

В нижней части экрана выделялась широкая полоса, разбитая на три части: зеленую, желтую и красную. Цветные участки были обозначены крупными подписями: ПОМИЛОВАТЬ, КАСТРИРОВАТЬ, КАЗНИТЬ. Под каждым вариантом нарастал счетчик поданных голосов. Пока лидировал желтый – кастрировать.

– Суд народа? – усомнилась следователь. – Кто-то прикалывается над нами?

– А ты посмотри на примере. – Шумаков ткнул курсор в ярлычок на экране.

Включилась видеозапись. То же помещение, тот же антураж со сменяющимся цветом, только на месте живого человека к стулу был прикован манекен. А дальше последовала наглядная демонстрация того, что произойдет при каждом из возможных решений. Зеленый цвет – отстегиваются путы. Желтый – накаляется и затягивается проволока в паху. И красный, когда ужасная гиря разбивает грудную клетку манекена.

Петелина отшатнулась, перевела дух. Экран продолжал мерцать в режиме унылого светофора. Цифры на таймере таяли, счетчики голосов нарастали. Зеленое помилование явно уступало двум другим приговорам, а на железном стуле беззвучно мучился прикованный цепями человек. Он уже убедился в тщетности попыток порвать цепи и беспомощно рычал.

Это не шутка, поняла следователь и попробовала включить звук.

– Бесполезно. Трансляция без звука, – сообщил Шумаков.

– Кто он такой? За что? – спросила Петелина.

– На этом же сайте есть краткая справка о подсудимом. Да, именно так его величают. Суд, понимаешь ли, устроили! – брезгливо прокомментировал Шумаков и обратился к начальнику управления полиции: – Головин, выдели старшему следователю Петелиной рабочее место.

Головин по-хозяйски повел рукой:

– Мы в этой комнате организуем штаб расследования. Я распоряжусь на счет столов, компьютеров, связи.

Шумаков бросил скептический взгляд на зал заседаний и согласился:

– Действуй!

Головин вышел, а Шумаков начал рассказывать.

Глава 3

Месяц до казни

Для инженера по ремонту холодильников и кондиционеров Константина Антонова жаркие деньки в смысле работы в точности совпадали с жарой за окном. Принцип действия у охлаждающей техники одинаковый, но до чего же разное отношение пользователей к неполадкам. Сломался холодильник – срочный вызов в любое время суток, а о кондиционерах народ вспоминает только с приходом жаркой погоды. Тут уж от звонков нет отбоя – и новый установи, и старый почини – полный аврал, хоть без сна работай, ко всем не успеешь. Поэтому крупные организации обзванивались накануне лета, с помощью скидок их уговаривали обслужить технику заранее.

В начале мая Константин Антонов налаживал работу кондиционеров в детской музыкальной школе Красногорска. Начал с кабинета директрисы. Прочистил фильтр, включил кондиционер на полную мощность, измерил температуру воздушного потока – как за окном. Все понятно, нужно заправлять газом. Подготовил баллон, открыл окно, высунулся с гаечным ключом, чтобы подсоединить шланг к наружному блоку.

С четвертого этажа отлично просматривался сквер перед музыкальной школой, через который дети шли на занятия. В основном это были девочки младшего возраста – миловидные и беззаботные. Некоторые плелись нога за ногу, отвлекаясь на все подряд, другие с жаром обсуждали с подружками детские секреты.

Вот одна девочка наклонилась завязать шнурок, провозилась больше минуты, а потом деловито подтянула колготки, задрав выше пояса подол юбки. Такая непосредственность могла вызвать лишь улыбку у взрослого человека, но Константин заметил иное.

На скамейке в сквере сидел неприметный мужчина лет сорока. Он был один, не тыкал пальцем в телефон, не провожал в школу ребенка и не выискивал взглядом опаздывающего знакомого. Мужчина тайком наблюдал за проходившими мимо девочками. Это не бросалось в глаза до тех пор, пока он вдруг не вытянулся, заинтересовавшись наклонившейся пигалицей. В его движениях и позе почувствовалось что-то хищное.

Антонов присмотрелся, напрягся, и его спина похолодела. Не может быть!

Он давно уже в мстительных мыслях похоронил этого человека. Ублюдок должен был исчезнуть, сдохнуть, загнуться от болезней, сломать хребет на лесоповале, погибнуть в драке в колонии, да где угодно только не возвращаться в мир нормальных людей.

Сомнений не осталось – в сквере сидел Борис Панин! То самый педофил, из-за которого пострадала его единственная дочь Катя. Физические травмы у девочки прошли, но душевная рана оказалась неизлечимой. Любимая дочь стала душевнобольной, а виновник трагедии вот он – здоров и на свободе.

Как выжил этот подонок, ведь его осудили на четырнадцать лет? Сколько прошло? Неполных двенадцать. Почему его выпустили? Такие, как Панин должны вечно гнить в тюрьме! А вместо камеры с решетками педофил гуляет на солнышке рядом с детьми.

Неловкая девочка вновь запнулась о развязавшийся шнурок, шлепнулась на колено, потеряла ушиб, горестно разглядывая порвавшиеся колготки. Более расторопные подружки уже забежали в школу, а она осталась одна.

Панин поднялся и поспешил к девочке на помощь:

– Ушиблась? Больно? Давай, я помогу.

У Антонова дрогнула рука, гаечный ключ выскользнул, пролетел три этажа и со звоном упал под окнами. Инженер отшатнулся, сбив баллон с хладагентом.

– Что случилось? – покосилась на него недовольная директриса.

– Посмотрите, там мужчина... Он работает в школе?

Пожилая женщина нехотя встала, запахнула кардиган, поправила очки и выглянула в окно. Педофил заметил внимание к своей персоне, развернулся и зашагал прочь.

– Нет, у нас женский коллектив. А что такое?

– Вы раньше его здесь видели?

– Я уже не в том возрасте, чтобы заглядываться на мужчин, – проворчала директор. – Мне хватает хлопот с детьми и педагогами... Эй, вы куда?

Антонов выбежал из кабинета. Спускаясь по лестнице, он на ходу звонил в полицию, чтобы сообщить об осужденном ранее педофиле, который гуляет около детского учреждения. Сам спешил во двор, чтобы наблюдать за Паниным и остановить гада, если тот хоть пальцем коснется ребенка.

Двое сотрудников патрульно-постовой службы прибыли к музыкально школе спустя полчаса. Лениво представились: старший сержант Брянцев, сержант Самохин – и потребовали у Антонова документы.

– При чем тут мой паспорт? Педофил околачивался около школы, смотрел на девочек! – убеждал Константин недоверчивых полицейских.

– А вы, что здесь делаете? – листая паспорт, поинтересовался Брянцев.

– Да послушайте меня. Панин скрылся, но я проследил за ним. Он зашел в кафе-пекарню, что напротив сквера. С тех пор не выходил. Лучше его документы проверьте, он должен сидеть в колонии!

Полицейские поморщились, но все-таки зашли в кафе-пекарню под вывеской «7 пирогов». Антонов пристроился следом.

В уютном помещении на четыре столика пахло свежесдобитыми булочками, ароматным кофе и сладкими пирожками. Товар отпускала улыбчивая буфетчица. Бориса Панина в зале не было. Патрульные спросили буфетчицу о заходившем мужчине, та охотно кивнула и указала на служебное помещение.

Полицейские спустились в подвал, но вскоре вернулись к нетерпеливо поджидавшему Константину Антонову и вывели его на улицу.

– Мы проверили документы и созвонились с нашим отделом. Да, это Панин Борис Игоревич. Был осужден, вышел из колонии по условно-досрочному, адаптировался, устроился на работу пекарем, замечаний нет. Документы в порядке, все официально, – объяснил старший сержант.

– Но как же! Он был рядом со школой. Там девочки! – возмущался Антонов.

– Это городской сквер. Панин вышел подышать из жаркой пекарни, только и всего.

– Он пялился на малолетних девочек. Нельзя ли ему запретить...

– Нельзя! – отрезал Брянцев. – Панин не работает в детском учреждении. Он работает в подвале пекарни. Один.

– Гражданин, не отвлекайте по пустякам, – вмешался сержант Самохин. – Вот если случится что-то серьезное, мы примем меры.

– Как же так! Неужели, нужно ждать пока он...

Но полицейские под стрекот служебной рации сели в машину и укатили на вызов. Растерянный инженер понуро стоял около кафе-пекарни. Через витрину на него смотрел Борис Панин и победно улыбался. Он узнал Антонова, тот был на суде среди других родителей пострадавших девочек.

Тогда педофила Панина осудили на четырнадцать лет. Долгий срок для униженных девочек казался вечностью, из которой не возвращаются. Зло исчезнет навсегда, думали они. Но прошло неполных двенадцать лет – и педофил на свободе. Чуть поседел, но выглядит подтянутым и тренированным. Не осунулся, не обрюзг, не спился, не сдох от болезней, не свихнулся от мук совести, будто все это время провел не в колонии, а в оздоровительном походе.

Преступник здоров и прощен государством, а его дочь Катя так и осталось неизлечимо больной! Где справедливость?

Дальнейшая работа у инженера шла плохо, все валялось из рук, память возвращала к ужасным переживаниям двенадцатилетней давности. Антонов уехал домой раньше.

Войдя в квартиру, он заглянул к дочери и застал все ту же безрадостную сцену. Катя играла с куклой Барби, одетой в купальник. Она окунала куклу в ванночку для малыша, наполненную водой, изображала плавание туда-сюда, как в спортивном бассейне, и под конец вручала кукле медаль за победу. Кате исполнилось девятнадцать лет, тело девушки соответствовало возрасту, но в сознании дочь осталась той же семилетней девочкой, над которой надругался похотливый маньяк.

Семья тогда пережила ужасные дни, хуже которых не придумаешь. Константин внушал себе и жене Ирине, что все худшее в прошлом, случившееся со временем забудется и сотрется из памяти маленькой девочки. Так и произошло, но совершенно с другим результатом.

Катю удалось вывести из шокового состояния спустя два месяца после надругательства тренера-педофила. Ее сознание действительно вычеркнуло из памяти жестокое насилие, но зафиксировалось на границе произошедшего. Девочка перестала взрослеть, словно хотела оградить себя от мерзостей взрослого мира. Ее сознание так и осталось на уровне семилетней наивной девочки, которая хотела стать чемпионкой по плаванию.

За ужином Константин ничего не сказал жене. Он несколько раз пристально всматривался в Ирину и опускал глаза. За двенадцать лет измотанная горем женщина постарела сильнее, чем преступник, отсидевший в колонии. Педофил на свободе и чувствует себя хорошо, а они продолжают жить в вечной клетке того рокового дня.

Ночью Константин долго не мог уснуть, то и дело ворочался в постели.

– Ты чего? – не вытерпела жена.

– Он вернулся. Я видел Панина, – признался муж.

Последовала долгая пауза, после которой жена растерянно выдохнула:

– Как же так?

– Говорят, свое отсидел.

– И что теперь?

Константин не знал, что ответить. Это был тот самый вопрос, который не давал ему покоя. Что теперь делать?

Утром он продолжил заправку кондиционеров в музыкальной школе. И снова увидел Панина. Тот исподтишка наблюдал за девочками со скамейки в сквере, держа на коленях открытый пластиковый бокс с причудливыми булочками. Девчонки невольно косились на ароматную выпечку.

Имеет право дышать свежим воздухом, вспомнились объяснения полицейских. Бред слюнтяев! Такой подонок вообще не имеет право дышать!

Инженер громыхнул ключом по кондиционеру. Панин заметил его, взял булочку, откусил, без спешки поднялся и прогулочным шагом вернулся в пекарню.

«Пошел прочь!» – хотелось крикнуть Антонову. Он не даст педофилу пускать слюни на девочек.

Но к его ужасу после занятий в школе многих девочек так и тянуло в кафе-пекарню «7 пирогов». Там продавались теплые булочки, сдобные печенья, красивые пирожные – и так вкусно пахло! Девочки заходили в кафе с мамами, а некоторые сами по себе. Устоит ли малышка, если добренький с виду дядя предложит ей вкусное пирожное?

«Что же делать?» – мучился сомнениями Антонов.

Полиция ничего не предпримет, пока не произойдет что-то страшное. Не дай бог! Как им толковать, что педофилы неисправимы. От Панина пострадали многие, неужели будут новые жертвы?

Как его остановить?

Глава 4

2 июня. 12:33. 2 дня 20 часов 57 минут до казни

В зале заседаний управления полиции Красногорска Шумаков и Петелина остались вдвоем. Полковник объяснял, заранее оправдываясь:

– Для меня это дело тоже, как снег на голову. Видишь обратный таймер?

Елена взглянула на монитор. Счетчик показывал: 02:20:57.

– Дни, часы и минуты, которые у нас остались, – пояснил Шумаков. – Отсчет стартовал три часа и три минуты назад, а спустя час меня выдернули из кабинета и направили сюда.

– Почему именно в Красногорск? – уточнила следователь.

– Потому что этот тип, – Шумаков ткнул в монитор на закованного узника, – работал здесь.

– Стоп! Давайте по порядку, Геннадий Александрович. Кто он?

– Личность мы установили – Панин Борис Игоревич. Сейчас ему сорок два года, ранее работал детским тренером по плаванию в Митино, этот жилой район примыкает к Красногорску. Там и проявились его пагубные наклонности в виде нездорового интереса к маленьким девочкам.

– Насколько маленьким? – предчувствуя ответ, напряглась Елена.

– Семь-десять лет.

– А нездоровый интерес это...

– Насильственные действия сексуального характера.

– Панин педофил, – констатировала Петелина. Теперь она смотрела на узника иным взглядом, но все-таки уточнила: – Его вина доказана?

– В уголовном деле фигурирует шесть пострадавших девочек, самой старшей из которых было десять лет. Четверо девочек неоднократно подвергались насилию, некоторые серьезно пострадали, – подтвердил Шумаков.

– Мразь! – не сдержалась Елена.

– Осужден на четырнадцать лет, – продолжил полковник. – Вышел условно-досрочно два месяца назад, отсидев неполных двенадцать. Вернулся жить к матери в Митино. В колонии получил специальность пекаря, что помогло ему устроиться на работу в кафе-пекарню здесь в Красногорске. Это все, что мне на данный момент известно. Я отправил людей по месту жительства и работы Панина, чтобы все проверить.

Петелина посмотрела на вызывающий кроваво-красный заголовок сайта «Суд Народа» и указала:

– Дело поручили главку, потому что...

– А как ты думала? – не сдерживал раздражения полковник. – Начальство в панике. Порядок рушится, если вместо власти суд и приговор будет вершить народ. Трое суток отмеряно на голосование по педофилу, а дальше занавес – ты видела варианты приговора.

– И вам приказали срочно остановить это безобразие, – догадалась следователь.

– Вот почему я тебя привлек? Потому что у тебя интуиция. Ты даже слово точное повторила – безобразие! Именно так это видится из высоких кабинетов.

Елена понимающе кивнула и спросила:

– Что еще известно?

– Да ничего толком неясно. Кто-то сделал сайт, заковал педофила в специально подготовленной камере, подключил трансляцию, разослал ссылку по новостным каналам и началось!

– Панин успел взяться за старое?

Полковник пожал плечами:

– Разбираемся.

В комнату стали заносить столы, греметь стульями, тянуть удлинители от розеток. Петелина и Шумаков вышли в коридор.

– Панину может мстить кто-то из пострадавших, – предположила следователь.

– Черт бы подрал такого терпилу! Хотел бы отомстить, грохнул бы педофила по-тихому в подворотне, и мы бы расследовали обычное убийство, – не скрывал сожаления полковник.

– Мститель не хочет по-тихому, и сам марать руки не собирается. Всеобщий суд организовал, хитрое устройство придумал. Как народ решит, так и будет.

– А он, вроде как, и не при чем.

– Не дурак, – согласилась Петелина.

– Вот ты и найди, кто такой умный! – включил командный голос Шумаков. – Изучай документы, общайся с потерпевшими, анализируй информацию. Я для этого тебя и вызвал.

– Спасибо за доверие, товарищ полковник, – так же строго ответила следователь.

– А мы будем искать темницу, где держат Панина. Время тикает, теперь живем по адскому таймеру. Выбирай рабочее место, Петелина. Капитан Майоров доставит тебе документы.

– Подождите! Я еще не дала согласие, – смутилась Елена.

– Не издевайся, Петля, – взмолился полковник. – Нам брошен вызов. Оперативникам, следователям, судьям, всей правоохранительной системе, а это, считай, государство! Неужели останешься в стороне?

Елена вспомнила, как обрадовалась, увидев Ваню Майорова, а он всего лишь бывший напарник ее мужа, Марата Валеева. Последние месяцы она полностью посвятила малышу, отодвинув на задний план Марата. Порой она не разговаривала с ним сутками, потому что уставала и ложилась спать еще до его прихода, сонно отбрыкивалась от постельных ласк, первой вскакивала на писк ребенка и с укором отвергала запоздалую помощь мужа. Утром Марат спешил на службу, а у нее голова шла кругом от материнских забот.

Не от этого ли проблемы в их семье? Если дома общение не получается, то возможно на службе они снова сблизятся. Хотя бы появится шанс.

– У меня условие, – потребовала следователь. – Я хочу привлечь к делу своих коллег: экспертов, оперативников. Так мне привычнее.

– Да привлекай кого хочешь, Петелина, только дай результат! Ссылайся на меня. Все, мне некогда!

Шумаков ушел, на ходу отдавая команды по телефону.

В коридоре появился распаренный Иван Майоров. Он прижимал к бокам обеими руками по коробке, отчего казался смешным и неуклюжим.

– Елена Павловна, куда? – пыхтел Ваня, обливаясь потом. – Уголовное дело Панина из архива доставили.

В обычных обстоятельствах Елена прыснула бы со смеху, но вспомнился монитор со всполохами красно-желтых огней на лице узника и таймер с тающими минутами. Она зашла в распахнутые двери бывшего зала совещаний, где на глазах формировалась оперативная комната.

– Неси за мной. Выберу себе место у окна.

Глава 5

25 лет до казни

В первом классе перед ним сидела самая красивая девочка в мире. Он был в этом убежден, ведь она была особенной. У всех девчонок волосы были заплетены в тонкие косички или стянуты в конский хвостик – фу, дурацкое название, но не он его придумал. А у Наденьки Ершовой, так звали особенную девочку, было сразу два чудесных хвостика, мило свисавших над ее ушками.

На уроках он смотрел в ее затылок, что было жутко интересно. Он изучал неровный, всегда разный и такой милый пробор волос, подсчитывал невесомые завитушки, спадающие на тонкую шею, и любовался замечательными хвостиками. Они торчали в стороны и чуть вверх. Из-под стягивающих резинок волосы выходили тонкими пучками и постепенно расширялись, как струи необыкновенного мягкого водопада, к которому хотелось прикоснуться. Он так и делал.

Надя оборачивалась, вопросительно вскидывала брови: чего тебе? Или хмурилась: отстань! А он улыбался счастливой улыбкой и слышал неодобрительное, но совсем не обидное: дурак!

Постепенно он научился дотрагиваться до хвостиков с такой тайной нежностью, что Надя не замечала прикосновений. Или делала вид, что ей это безразлично. Девчонки умеют терпеть и притворяться.

А еще хвостики, как волшебные антенны, отражали настроение Нади. Он не видел ее лица, но понимал, глядя на хвостики – вот она сосредоточена, вот недовольна, теперь задумалась, а сейчас мечтает. А когда Наденька резвилась или смеялась, хвостики пускались в такую свистопляску – залюбуешься!

Шло время, любимые хвостики удлинялись, касались ее плеч, спускались на спину и закручивались, как струи сказочного спирального водопада. Перед ним была не девочка, а волнующая мечта о чем-то радужном и желанном.

Но однажды Надя пришла в школу с короткой стрижкой. Весь сказочный ореол ее красоты испарился, она превратилась в обычную худую и визгливую девчонку. Он погрустил немного и перестал ее выделять среди одноклассниц.

Они повзрослели. Он вытянулся, окреп, нарастил плечи, потому что много лет занимался плаванием. Надя осталась хрупкой невысокой обычной девчонкой. Он не выделял ее, как, впрочем, и других сверстниц. Девушки-подростки хотели казаться старше, ярко красились, вызывающе одевались, баловались пивом и сигаретами, не стеснялись грубых слов, некоторые отваживались на пирсинг и тату. Казалось, их главная задача поскорее избавиться от детской чистоты и непорочности. Его это приводило в уныние, которое он не мог объяснить.

Так закончилась учеба в школе. На праздничной линейке, посвященной последнему звонку, ему поручили нести первоклашку с колокольчиком.

Когда он увидел доверчивую пигалицу с огромными глазами, то обомлел – к нему вернулась особенная девочка из детства. На маленькой красавице были белые гольфы, короткое платье с белым кружевным воротничком и самое главное – прическу украшали два милых хвостика с белыми бантами. В груди засосала сладкая истома. Он вспомнил несбывшуюся любовь из безмятежного детства.

А девушки одноклассницы в этот день неожиданно захотели выглядеть по-детски. Та самая Надя Ершова пришла в классической школьной форме с белым фартуком. На ней были такие же белые гольфы, как у первоклашки, а волосы она заплела в два столь любимых и желанных хвостика. Она улыбалась и то и дело подносила к лицу букетик белых ландышей.

Он обхватил малышку сзади под мышки, крепко сжал ладони и рывком водрузил на плечо. Девочка одной рукой обняла его за шею, в другую ей дали колокольчик. Он прижал ее растопыренной ладонью, чтобы малышка не свалилась, и почувствовал, как сквозь подушечки пальцев проникает странное щекочущее тепло. А рядом встала Надя с мальчиком первоклассником, которому тоже доверили колокольчик.

Директор школы парадно-радостным голосом объявила последний звонок, и они пошли по кругу, трезвоня в колокольчики. Он шел, будто в сладком сне – рядом первая любовь, вернувшая волнующий детский образ, а на плече к нему доверчиво прижимается очаровательнейшее создание.

Он видел весело дергающиеся хвостики Нади и нежное тепло разрасталось в его сердце. У девочки на плече волосы сейчас точно также раскачиваются в такт его шагам и порой задевают его макушку. Дразнящие прикосновения кололи его искорками вожделения, а наэлектризованные пальцы сильнее сжимали малышку.

Это плохо, непристойно? Нет! Все вокруг одобрительно улыбаются.

Он не помнил, как завершил торжественный круг под звон колокольчика, зато последний момент навсегда врезался в его память.

Когда он опускал девочку, то на миг прижал ее к себе, и его накрыла сладостная волна наслаждения. Разрядка была бурной и неконтролируемой. Ему было стыдно разогнуться, потому что на брюках проступило влажное пятно. К счастью, в наступившей неразберихе никто не обратил на это внимание.

Расчувствовавшаяся Надя пустила слезу и сунула ему букетик белых ландышей, чтобы освободить руки. Он закрыл букетом покрасневшее лицо и смотрел сквозь тонкие цветы на милых первоклассниц с двумя хвостиками. Малышки были такими же чистыми и нежными, как ландыши, а склоненные соцветия напоминали ему хвостики детских волос.

Так Борис Панин впервые получил незабываемое наслаждение от прикосновений к маленькой девочке.

Глава 6

2 недели до казни

Работу по наладке кондиционеров в музыкальной школе Константин Антонов завершил за три дня. Но и после этого он возвращался в сквер перед школой при каждой возможности.

Инженера терзали злость и беспомощность – педофил, разрушивший психическое здоровье его дочери, продолжает получать удовольствие от наблюдения за маленькими девочками, а он ничего не может сделать. Крепло убеждение, если Панина не остановить, тот рано или поздно он даст выход грязной похоти. Опять пострадает маленькая девочка, педофил сломает еще одну судьбу. Как предотвратить трагедию, если полиция отмахивается от его заявлений?

Разное лезло в голову. Избить, покалечить? Прямую месть он подвергал сомнению, а выкинуть проблему из головы не позволяла совесть. Так ничего и не придумав, Антонов решил проследить за Паниным и изучил его ежедневный график.

Новоявленный пекарь приезжал на работу на старой «шкоде» около семи утра, за час до открытия кафе. Он пользовался той же печально известной машиной, на которой любезно подвозил девочек после тренировок в бассейне двенадцать лет назад. Девочки доверяли тренеру, не опасались его прикосновений и не сразу осознавали, что взрослый дядя с ними делает. В злополучной «шкоде» побывала и дочь Антонова Катя.

Прибыв к месту работы, Панин открывал своим ключом дверь служебного входа и спускался в подвал. Там он включал пекарное оборудование, и вскоре из вытяжки тянуло пряным запахом свежих булочек и пирожков.

После открытия кафе-пекарни горячая выпечка появлялась на прилавке, кофейный аппарат с хрустом перемалывал кофейные зерна, добавляя в сытные ароматы терпкость бодрящего напитка, из сетевого кондитерского цеха доставлялись пирожные, и витрина превращалась в лакомое пиршество для детских глаз и соблазнительное искушение для взрослых.

Борис Панин в красивом фартуке с изображением усатого пекаря на груди подолгу сидел за чашкой кофе в углу прилавка и подтрунивал над буфетчицей Алиной. Иногда он выходил из-за прилавка и помогал посетителям с выбором, объясняя тонкости выпечки и состав начинки. Он отдавал предпочтение девочкам с мамами. Был вежлив, не назойлив, обращался к малышке, как к взрослой, самостоятельно принимающей решение, и мама в это время одобрительно подбадривала дочку. Доброму дяде, пекущему вкусные булочки, девочки доверяли.

Погода с каждым днем становилась теплее, девочки избавлялись от курток, меняли джемпера и брюки на легкие платица, и Панин все больше времени проводил в сквере, наблюдая за стайками учениц музыкальной школы. Антонов демонстративно садился напротив него и сверлил ненавидящим взглядом. Панин хмурился и уходил. Это была маленькая победа.

Но инженер не имел возможности вечно дежурить около школы, заказы на кондиционеры каждый день прибавлялись, работать приходилось допоздна, а рабочий день пекаря заканчивался рано. Панин мог уйти вслед за приглянувшейся девочкой или предложить подвезти ее на машине, как проделывал это с прежними жертвами. Самое страшное, девочки знали его только с хорошей стороны, как дядю-пекаря, и нисколечко не опасались.

Антонов вспоминал свою дочь и ему хотелось кричать от досады – ну почему педофилам не ставят на лоб клеймо!

Однажды, направляясь с одного заказа на другой, Антонов остановил свой серый универсал «лада ларгус» около пекарни «7 пирогов».

Сквозь витрину он увидел, как Панин угощает девочку пирожным. Пухленькая малышка с русыми волосами, стянутыми в два хвостика, приняла десерт из рук педофила, одарила дядю благодарным взглядом и откусила пирожное. Ее улыбающиеся губы залоснились от красного джема. Панин тронул довольную девочку за плечо и повел к дальнему столику.

У инженера сжались кулаки, он бросил машину и вошел в кафе. Не успел он подойти к столу, как за его спиной раздался женский голос:

– Софья, вот ты где!

– Мама, – откликнулась девочка за столиком с пекарем и с укором свела бровки: – ты опять опоздала.

– А ты, я смотрю, время зря не теряешь. Снова за сладкое, да еще и с колодой, – покачала головой озабоченная женщина в свободной белой блузке с блестящим круглым медальоном на груди.

– Пирожное очень вкусное. У меня не хватило денег, но дядя-пекарь помог.

Панин поправил фирменный фартук с добрейшим пекарем на груди и скромно потупил взор.

Терпеть подобной фальши Константин не мог. Он подскочил к столику, отпихнул пекаря и склонился над девочкой:

– Софья, этот дядя трогал тебя? Приставал?

Девочка перепугалась и затрясла головой. Два дугообразных хвостика над ее макушкой заметались из стороны в сторону.

Антонов настаивал:

– Но я же видел, как он трогал тебя за плечо. Что он говорил? Куда звал?

– Мама! – испугалась Софья.

– В чем дело? Отстаньте от нас! – вмешалась женщина.

– В чем дело? Я скажу, в чем. Вы знаете, кто это такой?

Антонов ткнул пальцем в сторону Панина, тот благодушно улыбался.

– Ах ты, мразь! – не выдержал инженер и набросился на пекаря, схватив за грудки.

Панин не сопротивлялся. Антонов дернул, что есть сил, и в его руках оказался фартук с усатым пекарем. Девочка зарыдала, мамаша грудью защитила дочку от дикого посетителя.

– Что происходит? Отстаньте!

– Он... он... Его надо бояться.

– Уйдите!

– Да он же...

– Я здесь работаю, – прервал взволнованного инженера Панин. – А вы, гражданин, заканчивайте хулиганить.

– Да я тебя засажу!

– Разве вы вправе меня судить? Остыньте и уходите, – спокойно парировал Панин.

– Я вызову полицию! – пригрозила женщина.

На Антонова смотрела возмущенная мамочка, презрительный Панин и страшно напуганная девочка. Они сгрудились, как единое целое против общей опасности. Маленькая Софья испугалась его, а не педофила. Антонов представил, как его выходка будет выглядеть в глазах полицейских. Это катастрофа. Лучше уйти.

Раздосадованный, он направился к выходу.

– Кошмар! – причитала женщина, ища защиту у пекаря. – Спасибо, что заступились за дочку. Сколько я вам должна за пирожное?

– Ну что вы. Давайте знакомиться, – любезно отвечал Панин. – Меня зовут Борис, я здесь работаю.

– Дарья Дорохова...

Выйдя на улицу, Антонов бросил взгляд сквозь витрину. Панин снова одел фартук, выпятил грудь и смотрел на него с презрительным превосходством. В этот момент последние сомнения у Константина отпали. Беспорядочные идеи, приходившие ему в разгоряченную голову в последние дни, сформировались в единое целое.

Надо действовать! Но как это осуществить? Справится ли он? С кем посоветоваться?

Глава 7

2 июня. 14:35. 2 дня 18 часов 55 минут до казни

Для непосвященных пухлые тома уголовных дел кажутся непроходимой трясиной, однако опытный следователь Петелина знала, как «прыгать с кочки на кочку» и быстро почерпнула нужные сведения о Борисе Панине, осужденном за принудительные действия сексуального характера в отношении детей младше 12 лет.

За годы службы она сталкивалась с разными преступниками, мотивы некоторых по-человечески были понятны. Отдельные оступившиеся вызывали даже сочувствие, да и слова «заслуживает снисхождения» вполне юридический термин, встречавшийся в ее обвинительных заключениях. Но все это никак не относилось к Борису Панину. Подонок воспользовался положением детского тренера, фактически учителя, и домогался девочек, которые полностью ему доверяли. Сквозь сухие страницы приговора просматривались их боль, слезы и сломанные судьбы.

И этого мерзкого типа она должна спасти? А может плюнуть на все, вернуться в санаторий к обычной жизни и проголосовать за его смерть? Пусть это будет не по закону, зато, по совести.

В порыве эмоций Елена вошла на сайт Sud Naroda, потянулась к кнопке голосования, но вовремя одумалась. Сегодня она спасает не педофила Панина, а правосудие, которому служила всю жизнь.

В уголовном деле Борис Панин представлял законченным педофилом. Но как он дока-тился до преступления, как стал сексуальным маньяком?

Такие сведения всегда важны для расследования. А кто лучше всех знает мужчину? Конечно же жена, пусть даже бывшая. Сведения о ней имелись в уголовном деле – Надежда Олеговна Ершова. К ней и отправилась в первую очередь Елена Петелина.

Надежда Ершова долгие годы работала медсестрой в клинической больнице в отделении онкологии. Светловолосая женщина с большими глазами и поджатыми губами встретила следователя настороженно. Одну руку она держала в кармане халата, а другую сразу подняла, словно преграду, и жестом прервала Петелину, как только та представилась.

Надежда бросила взгляд по сторонам и согласилась побеседовать со следователем во дворе больницы подальше от любопытных глаз.

– Вы догадываетесь, почему я здесь? – спросила Петелина, когда они покинули больнич-ный корпус и двинулись по дорожке сквера, где их никто не мог слышать.

– Чего ж гадать. Мне показали сайт с Паниным. Добрые люди, напомнили. – Ершова выдернула из кармана руку с включенным телефоном и сорвалась: – Ну, сколько можно? Мы уже сто лет в разводе, я фамилию прежнюю взяла, а мне все тычут – смотри, твой! А я его видеть не хочу! Думала, что Панин исчез навсегда и тут – на тебе! Звезда интернета!

– Скоро это прекратится, мы работаем, – заверила следователь.

– Скажите, народный суд – это по-настоящему? Или Панин сам что-то придумал?

– Разбираемся, опрашиваем всех, кто знал Панина. Вот вы, зная его характер, как думаете?

– Нет, не в его стиле, – поколебавшись, ответила Ершова. – Панин всегда был скрытным, стремился быть незаметным.

– Как же вы с ним познакомились, если он такой скромный?

Медсестра убрала телефон в карман и вытерла руку о халат, словно стирала грязь.

– Мы с Борисом в одном классе учились, потом долго не виделись, а встретились лет через семь после окончания школы. Панин работал тренером в бассейне, а я здесь, медсестрой в онкологии. Ну и как-то завертелось... Он еще в школе мне оказывал знаки внимания, но я

тогда не считала прыщавых сверстников достойными ухажерами. Ну и обожглась на взрослом женатике, стала мамой-одиночкой. – Ершова с горечью усмехнулась.

– Кто у вас: мальчик, девочка? – поинтересовалась следователь.

– Дочка Полина.

– Сколько ей было, когда вы сошлись с Паниным?

– Как только Борис появился, я предупредила его, что воспитываю двухлетнюю дочь. Думала, мужик сразу в кусты, таких я повидала, а он нет, скорее наоборот. Мы гуляли втроем, он играл с Полиной, дарил ей подарки, не для формальности, а от души. Ну, разумеется, я вцепилась в такого мужика обеими руками, и через год мы поженились.

– Вы же знаете, за что Панин сидел?

– Еще бы! Захочешь забыть, не дадут.

– И как у вас с ним было? – осторожно спросила Елена. – Не замечали каких-то странностей в его поведении, как мужчины?

– Вы имеете в виду постель?

Петелина кивнула. Ершова сорвала несколько березовых листьев, скомкала их и отшвырнула.

– Панин не был горячим любовником, – призналась она. – Как-то он показал мне фотографию – наш последний звонок в выпускном классе. Он тогда нес первоклашку на плече, а я была в классической школьной форме с белым передничком, в белых гольфах, с двумя смешными хвостиками на голове, и он признался, что хочет видеть меня в таком виде в постели. Я посмеялась и забыла, но он настаивал.

– И вы согласились, – догадалась Петелина.

– Школьная форма у меня сохранилась, мне было интересно – влезу или нет. Влезла и даже купила белые гольфы... В общем, его жутко заводил мой школьный вид. Ну а я что, мне не трудно, многие мужики с прибабахом, кому медсестру, кому стюардессу подавай, а этому школьницу с двумя хвостиками. Вот ваш муж, никогда ничего такого не просил?

Медсестра с прищуром посмотрела на нарядно одетую собеседницу. Елена задумалась, вспомнила, как Марат возбуждался от черных чулок на подвязках, и туманно ответила:

– Бывало.

Ответ Ершову обрадовал.

– Тогда вы знаете, что мужикам быстро наскучивает однообразие. И мой Панин через год охладел к такому наряду.

– Образ школьницы... – Петелина задумалась. – Вы тогда ничего не заподозрили?

– Тогда нет. Но когда подросла дочка... – Надежда помрачнела и остановилась, отшвырнув ногой камешек с дорожки.

– Что произошло?

– Я, дура, не нарадовалась, что Панин любит Полину, играет с ней, обнимает, как собственную дочку. Любил ее мыть в ванной, когда она совсем крохой была. Но однажды я заметила похоть в его глазах. Настоящую мужскую похоть к маленькой девочке! Он отшутился, что видит меня в ней, и утащил в постель.

Ершова с досадой махнула рукой и замолчала. Петелина вывела ее из задумчивости:

– И вы продолжили жить как ни в чем не бывало?

– С тех пор я насторожилась. Но за всем не уследишь, у меня же ночные дежурства бывают. И вот я прихожу утром домой уставшая, рухнуть бы в постель на часок. В такие дни Панин сам отводил Полину в школу, но дочка выглядела больной, осталась. Как только Панин ушел, Полина захныкала: не хочу с ним играть в больницу, не буду.

– Панин играл с девочкой во врача и пациента? – заинтересовалась следователь.

– Придумал, сволочь! Сказал, мама в больнице так работает.

– Что произошло?

– Я стала расспрашивать Полину и убедилась, что он раздевал и лапал девочку, а она первоклашка, ей семи лет еще не было.

В уголовном деле Панина этот случай не был зафиксирован и Петелина уточнила:

– Как именно лапал?

– Как хотел! Он разрядился от прикосновений к моей дочке, представляете! Я нашла его мокрые трусы в стирке.

– И что вы сделали?

– Прибить была готова, растерзать, но...

Ершова вздохнула и отвернулась. Говорить стала тихо:

– Я не стала устраивать скандал. Выпроводила Панина вечером вместе с вещами, ведь это была моя квартира. Он ушел к матери, потом несколько раз пытался вернуться, извинялся, клялся, что все произошло случайно. Дочь вроде бы отошла, позабыла грязную игру, и я чуть не дрогнула, но...

– Панин опять проявил свои наклонности? – прервала затянувшуюся паузу следователь.

– Он раньше тренировал юношей в бассейне, мечтал воспитать чемпиона, стремился в большой спорт. И, вдруг, я узнаю, что Панин стал обучать плаванию маленьких девочек. Совсем маленьких. Это бесперспективно для тренера, а он сам напросился. Сам! Понимаете?

– Понимаю.

– Вот и я поняла, что Панин неисправим. Его тянуло к маленьким девочкам, не к моей дочери, так к другим.

– Почему вы не предупредили руководство бассейна?

– Как? Пришлось бы рассказать подробности про дочку, а я хотела оградить Полину от грязных слухов.

– Дочку вы оградили, а остальных...

Ершова порывисто обернулась:

– Вы поймите, я надеялась, что Панину достаточно видеть раздетых девочек, они же в бассейне полуголые.

– Оказалось, что недостаточно.

Женщины с минуту шли молча. Затем следователь спросила:

– Надежда Олеговна, когда вы видели Бориса Панина в последний раз?

– Ну... – Ершова замаялась. – После колонии Панин вернулся жить к своей матери, ее квартира на одной улице с моей. Столкнулись с ним у магазина дней десять назад, он попытался заговорить, предложил поднести сумку, но я отшила его и быстро ушла.

– И больше не встречались?

– Да пошел он!

Петелина решила сменить тему:

– Вы внимательно смотрели сайт? Узнали место, где держат Панина? Возможно, это знакомый гараж или что-то подобное.

– Понятия не имею.

– По вашему мнению, кто может ему мстить?

Ершова пожала плечами:

– Вы следователь, не я. Я бы на месте государства вообще не выпускала педофилов из тюрьмы. И не было бы с ними проблем.

– То, что Панин на свободе, для вас проблема?

– Да хватит об этом мерзавце! Знать его не хочу! Я сама проголосовала за кастрацию! И если бы было можно – еще десять раз! – Ершова взглянула на часы. – Все, мне пора помогать нормальным людям.

– Еще минутка. – Следователь остановила медсестру и задала обязательный вопрос: – Где вы были сегодня утром?

– Вы на что намекаете? – прищурилась медсестра.

– Это обычный вопрос для всех, кто пострадал от Панина.

– Здесь, в больнице. Моя смена с восьми до шестнадцати, я не опаздываю.

– Значит, в восемь вы были на рабочем месте. Как я могу это проверить? – настаивала следователь.

– Вот и поговорили тета-тет, большое спасибо, – обиделась Ершова и бросила через плечо: – Спросите у коллег. Мне уже все равно.

Медсестра ушла, а следователь продолжила выполнять свои обязанности. Она поднялась в отделение онкологии и убедилась, что в восемь утра Надежда Ершова уже переодетая в медицинскую форму приняла смену от ночной дежурной по отделению. Из числа подозреваемых в похищении Панина ее можно было исключить.

К больнице следователя подвез патрульный экипаж, а на обратном пути ее сопровождал Валеев. Марат примчался по вызову Елены вместе с новой напарницей, старшим лейтенантом полиции Татьяной Токаревой.

Елена впервые увидела оперативницу, с которой муж проводит больше времени, чем с ней. Молодая, невысокая, в обтягивающей одежде, подчеркивающей тренированное, подвижное тело без грамма лишнего веса – можно позавидовать. Взгляд дерзкий, самоуверенный, черные волосы забраны в хвостик, на макияж не тратится, зато на поясе красуется кобура с выдавленными буквами ТТ. Видимо, хозяйка гордится своим служебным прозвищем – ТТ.

Токарева заговорила первой, спокойно реагируя на оценивающий взгляд Петелиной. Она продемонстрировала смартфон с подключенным сайтом Sud Naroda и спросила:

– Товарищ следователь, я не врубаюсь, почему сайт не отключат?

– Наверное, есть юридические формальности и технические сложности, – пожала плечами Петелина. – Сайт зарегистрирован в Эквадоре.

– Ничего себе! А этот хмырь где-то рядом сидит или тоже в Эквадоре?

– Когда найдете, доложите, – холодно ответила Петелина.

– Да я-то готова, – спокойно отреагировала на колкость ТТ и опустила взгляд на голые икры Елены. – А вы хорошо загорели и платье классное! С курорта, наверное, вернулись?

Оперативник откинула полу легкой курточки, прикрывающей кобуру с пистолетом, и приосанилась. Своим видом она подчеркивала, что в любую секунду готова вступить в схватку с преступником, а вот следователю в пестром платье и босоножках даже допрос вести затруднительно. Подозреваемый будет пялиться на ее коленки.

Елена промолчала, наблюдая за реакцией Марата. Тот высоко оценил ее внешний вид, но обстановка к комплиентам не располагала, хотя в глазах мужа читался неприкрытый мужской интерес.

– Уточните задачу, – напомнила о себе неугомонная ТТ. – Мы ищем педофила на эшафоте или того, кто его туда усадил?

– А в чем разница? – начала уставать от вопросов Петелина.

– В конечной цели. В первом случае – найти и покарать, а во втором – найти и наградить, – с вызовом ответила оперативница.

«Трудно с ней будет, – подумала старший следователь. – Таких надо сдерживать, а не подгонять». Ей было что ответить Токаревой, но она решила промолчать, продемонстрировав свое начальственное положение.

– Едем в штаб, – приказала Петелина, сев на заднее сиденье машины оперативников.

Валеев охотно завел автомобиль, но постоянно отвлекался от дороги, бросая в зеркало заднего вида заинтересованные взгляды на жену. Несколько дней разлуки благоприятно подействовали на него.

Елена отодвинулась к окну и позвонила полковнику Шумакову.

– Что у тебя? – коротко спросил руководитель.

- Поговорила с Надеждой Ершовой, бывшей женой Панина. Пока мимо.
- От его матери мы тоже ничего не узнали. Кроме того, что Боренька самый лучший и заботливый сын в мире. Его оболгали плохие люди, а сам он и мухи не обидит.
- Известная песня.
- И в кафе к Панину, как к пекарю, претензий нет.
- Святого человека заковали, – съязвила Петелина и предложила: – Нужно пробить геолокацию его мобильного за последние сутки. Данные могут вывести к месту заточения.
- В том то и дело, что телефон Панина остался в пекарне со вчерашнего дня на зарядке.
- Странно. Сам забыл или похититель подсуетился?
- Петелина, мне не вопросы нужны, а ответы. Продолжаем работать! – взбодрил громовым голосом полковник и отключился.

Глава 8

1 июня. 15 часов до начала казни

– Софья Дорохова, Софья Дорохова... – твердила взволнованная женщина в свободной белой блузке и черных брюках, склонившись перед окошком дежурного в отделении полиции.

Сидевший за стойкой капитан переключил входящий звонок, отбил сообщение на компьютере, сверил протянутое заявление с паспортом и выразил недовольство:

– По паспорту вы Дарья Федоровна Дорохова.

– Я мать, а пропала моя дочь Софья, ей всего девять! – женщина нервничала, круглый кулон на ее груди встревоженно дрожал.

– Не в той графе записали имя. Исправьте. – Капитан сунул бумагу обратно. – Время и место, где потеряли ребенка, укажите.

– Я не теряла! Софья не пришла из школы. Я два часа ей звоню, не могу дозвониться.

– Какая школа? Июнь за окном.

– Музыкальная. Она готовится к областному конкурсу.

– Послушайте, мамочка, два часа это немного. Девочка сама найдется, – начал успокаивать капитан.

– Прошло почти три! Что мне делать? – взмолилась женщина.

Капитан поморщился, однако старался быть вежливым:

– Телефон дочки срабатывает?

– Да.

– А в школе она звук отключает?

– Конечно.

– Ну, все понятно, она не слышит ваш звонок. Ушла с подружками, заигралась и обо всем забыла.

– Софья должна была ждать меня в кафе около школы, – не соглашалась Дорохова. – Я задержалась на работе...

– Так вы опоздали! – упрекнул ее капитан и тут же смиростивился. – А погода отличная, дети не могут сидеть, им двигаться надо. Успокойтесь, найдется ваша девочка. Поверьте, так часто бывает.

– Вы что, мне не поможете? Вы обязаны. – Женщина готова была расплакаться. Ее голос дрогнул, она сорвалась на истерику: – Я к начальству пойду! Как ваша фамилия?

– Так, ладно, – смирился дежурный. Он вышел из-за загородки, увидел в коридоре двоих сержантов патрульно-постовой службы и окликнул: – Брянцев и Самохин, ко мне!

Полицейские нехотя подошли.

– Покатайтесь с этой женщиной по району. У нее девочка загуляла, поищите. – Дежурный обратился к Дороховой: – У вас фотография дочери имеется?

– В телефоне. – Дарья шмыгнула носом, сунула руку в сумочку и через секунду продемонстрировала дисплей. – Вот моя Софья.

С экрана на полицейских смотрела улыбающаяся светловолосая девочка с двумя хвостиками.

– В чем была одета девочка? – спросил старший из патрульных Брянцев по пути к машине.

– Платье розовое летнее, белые гольфы и трикотажная кофточка на случай похолодания, белая, – торопливо отвечала Дорохова, семеня за полицейскими. – Но она могла убрать кофту в рюкзак.

– Какой рюкзак? Цвет?

– Красный с белыми вставками по бокам.

– Когда вы должны были встретиться с дочкой?

– В три часа. Я опоздала минут на тридцать.

Они подошли к полицейскому «форду». Брянцев сверился с часами и попросил:

– Сейчас почти шесть. Позвоните дочке.

Женщина набрала номер, с мольбой в глазах прильнула к телефону и разочарованно включила громкую связь:

– Гудки, как и раньше.

– Сообщение напишите. Дочь заметит, перезвонит. Написали?

– Уже третье.

– Садитесь. – Брянцев открыл заднюю дверцу автомобиля.

– С чего начнем? – спросил Самохин, устроившийся за рулем.

– Софья должна была ждать меня в кафе-пекарне около музыкальной школы.

– Семь пирогов? – уточнил название Брянцев.

– Да.

– Поехали.

Когда автомобиль припарковался около кафе-пекарни, Самохин вспомнил:

– А мы тут были. Педофила опрашивали пару недель назад.

– Педофила? – насторожилась Дорохова.

– Бывшего, – успокоил полицейский. – Он здесь пекарем работает.

Все трое вошли в кафе. Брянцев дождался, когда немолодая, но ярко накрашенная буфетчица с бейджиком «Алина» освободится, и попросил Дорохову показать ей фотографию Софьи.

– Алина, вы видели эту девочку сегодня? – спросил он.

– Ее зовут Софья. Я с ней здесь раньше бывала, – напомнила Дарья. – И сегодня ее ждала, капустино у вас покупала.

– Вас я помню, – кивнула буфетчица и тревожно свела брови: – А что случилось?

– Девочка на звонки не отвечает, – объяснил полицейский.

– Так еще не вечер, – расслабилась Алина. – В такую погоду детей домой не загонишь.

– И все-таки, припомните, была она здесь сегодня или нет?

Буфетчица всмотрелась в телефон:

– Девочки в кафе часто заглядывают. И эта с двумя хвостиками, по-моему, была.

– Да, с двумя хвостиками! – обрадовалась Дорохова. – У нее еще рюкзак красный.

– Незадолго до вас заходила, – подтвердила Алина.

– Одна или нет? Долго здесь пробыла? – спросил Самохин.

– Точно не помню, тут еще посетители были. Кажется, она повертелась у витрины и вышла.

– Камера наблюдения у вас имеется? – задрал голову полицейский.

– А зачем? У нас кафе тихое без алкоголя, большой выручки не бывает, все картами расплачиваются, – объяснила буфетчица.

– Ваш пекарь Панин еще здесь?

– Борис? Ушел после четырех, его смена закончилась.

– Панин все время был на рабочем месте?

– А как же! Печь сегодня постоянно работает. Выпекаем не только для кафе, в хорошую погоду у нас выездная торговля в парке.

– Я видела пекаря в фирменном фартуке, – подтвердила Дорохова. – Он принес в буфет выпечку.

– Да. – Алина заглянула в папку с накладными. – В шестнадцать пятнадцать Борис передал мне последнюю партию и попрощался. Он раньше меня начинает, устает.

– Я после этого домой поехала. Думала, Софья во дворе гуляет.

– Найдется ваша девочка, – заверила Алина и посоветовала: – Вы ее подружкам позвоните.

– Мы должны проверить подвал, – решил Самохин.

– Зачем? – встревожилась буфетчица. – Неужели вы думаете, что Борис...

– Так положено, – прервал ее полицейский. – Тем более, что Панин ранее...

– Да, пожалуйста! – Алина швырнула ключи на прилавок и пронзила патрульных осуждающим взглядом. – Он не такой, я знаю.

Полицейские спустились в подвал, где был оборудован пекарный цех, и минут через пять вернулись. Их форма впитала легкий ароматом горячих булочек, но запах быстро выветрился, когда они вышли на улицу.

– Не дозвонились? – спросил Брянцев обеспокоенную мамочку.

– Ее телефон не отвечает. Подружки после школы Софью не видели. А что в подвале?

– Ничего подозрительного. У Панина были старые грехи, но давно, когда он работал детским тренером. Да и не похищал он детей, не его стиль. Лучше подумайте, отец мог забрать дочь в тайне от вас?

– Зачем? У нас нормальная семья, – возмутилась женщина. – Муж никогда не встречал Софью после школы. Он работает допоздна, ему долго ехать.

– Все-таки позвоните мужу. Также соседям и знакомым. Кто-то мог встретить девочку и отвести домой.

– У Софьи нет ключей от квартиры, – призналась женщина.

– Тем более звоните, она может быть у кого-то в гостях. Или во дворе играет. Пусть посмотрят в окно.

– Пойдите. Я кое-что вспомнила! – встревожилась Дорохова.

– Что именно?

– Был один случай здесь в кафе. Взрослый мужчина приставал к моей дочери. Он еще обвинил пекаря, но дочка испугалась именно его!

– С этого и надо было начинать, – заинтересовался Брянцев. – Можете описать мужчину?

– Он выглядел, как ненормальный. Меня за руку дергал, предупреждал, чтобы берегла девочку.

– Так-так! Какой возраст, рост, цвет волос?

– Лет сорока, среднего роста, в рабочем комбинезоне с карманами. А лицо... Я дочь успокаивала, а не на него смотрела.

– Тот самый, который нас сюда вызвал, – припомнил Брянцев. – Он на Панина бочку катил, знал его раньше.

– Точно! – подтвердил Самохин. – Сам признался, что из музыкальной школы наблюдал за девочками и увидел Панина. Как его имя? Ты смотрел документы.

– Я что, компьютер с безразмерной памятью. В музыкальной школе должны его знать.

Дорохова, услышав про школу, первой направилась через дорогу, полицейские поспешили за ней. Директор музыкальной школы Любовь Максимовна Глинская подтвердила, что Софья Дорохова до трех часов занималась под ее руководством.

– Она очень способная. Мы рассчитываем на успех Софьи на областном конкурсе.

Когда зашел разговор о мужчине в рабочем комбинезоне, Любовь Максимовна быстро сообразила о ком идет речь.

– Как же, помню. Это инженер по кондиционерам. Он действительно какой-то странный.

– В чем заключается странность? – заинтересовался старший сержант.

– Он обращал внимание на наших учениц, говорил, что летом, когда девочки в легких платьицах – это особенно опасно. Они привлекают внимание плохих людей.

– Как его найти?

– У нас есть договор, там адрес, телефон. Он акт подписывал о проделанной работе. Сейчас найду.

Директор подошла к шкафу, нашла нужную папку, зашелестела бумагами.

– Вот! Антонов Константин. Есть телефон его компании.

Брянцев набрал указанный в договоре номер, представился, попросил Константина Антонова. Его заверили, что инженер Антонов весь день на выезде, устанавливает кондиционеры в коттеджном поселке.

Сержант потребовал доказательств:

– Кто может подтвердить, что Антонов сегодня никуда не отлучался? Меня интересует вторая половина дня.

– У нас принято присылать фотоотчет о проделанной работе. Есть видео с датой и временем. Куда переслать?

Брянцев продиктовал свой номер, просмотрел полученные на телефон фотографии, включил видео, где инженер комментировал свою работу.

– Голос Антонова узнаете? – спросил Брянцев директора.

– Похож, – подтвердила Глинская.

Полицейский проверил, сколько времени требуется на дорогу от указанного коттеджного поселка до музыкальной школы. Выходило не менее часа.

Старший сержант развел руки, обращаясь к встревоженной мамаше:

– С двух до пяти Антонов был далеко. Мы, конечно, перепроверим эти данные, если случится что-то серьезное.

От последних слов Дорохова побледнела и схватилась за телефон. Она опять набрала номер дочери, замерла в тревожном ожидании и расплакалась, беспомощно опустив руки:

– Не отвечает.

– Вы успокойтесь. Пока ничего страшного не произошло. Сейчас мы отвезем вас домой, поговорим с соседями и тогда уже решим, что делать дальше, – заверил старший сержант.

До восьми вечера полицейские надеялись, что девочка объявится. Вернулся с работы ее отец Андрей Дорохов, вник в ситуацию и возмутился, что полицейские не допросили бывшего педофила из кафе. Под его напором Брянцев и Самохин съездили на квартиру Панина в Митино.

Визит к бывшему осужденному ничего не дал. Панин встретил полицейских с холодной вежливостью, заверил, что после работы заехал в магазин за продуктами и вернулся домой. Его мать гневно зудела, что не позволит оклеветать ее скромного и порядочного сына.

После десяти вечера все окончательно убедились, что Софью Дорохову никто из соседей и знакомых не видел. На звонки девочка по-прежнему не отвечала.

Самохин толкнул плечом напарника и шепнул:

– Завязывай. Что могли мы сделать. Докладывай начальству.

Брянцев протер испарину под кепкой и согласился:

– Пусть подключают технарей и ищут телефон девочки.

Мобильный телефон Софьи Дороховой удалось обнаружить только под утро. Мобильник валялся в мусорном контейнере недалеко от музыкальной школы. Звук был отключен, но светился экран в момент звонка, что помогло найти почти разрядившийся аппарат. Это была единственная удача за первый день поисков.

Стало ясно, что девятилетняя девочка исчезла не по своей воле.

Глава 9

2 июня. 16:10. 2 дня 17 часов 20 минут до казни

Вернувшись из больницы в оперативный штаб, Елена Петелина села за компьютер. В глубине подсознания она надеялась, что за прошедшее время проблема с казнью в прямом эфире разрешилась. Место заточения Панина найдено, узник освобожден, скандальная трансляция прекращена. Или организатор судилища понял, что заигрался, и сам пошел на попятную, отпустив заложника. Так или иначе ее профессиональные услуги больше не потребуются, она сможет спокойно вернуться к малышу.

Желание было настолько осязаемым, что Елена легко представила, как поблагодарит Шумакова за то, что вспомнил о ней в сложный момент. Несколько часов в шкуре следователя стали хорошей встряской в ее размеренной жизни. В санаторий ее отвезет, конечно же, Марат. Они вместе погуляют с сыном по прекрасному парку и выкинут из головы мелкие обиды. Семья – это главное.

Пока грузилась интернет-страница с провокационным сайтом Елена прикрыла глаза. Распахнула – трансляция продолжалась. Противозаконный Sud Naroda набирал популярность. Разочарования следователь не почувствовала, просто не успела, потому что сразу переключилась на анализ ситуации.

На табло горело – 02:17:20. Борис Панин почти семь часов прикован к креслу подсудимого. Дергаться стал меньше, убедился, что сам не освободится. Вместо неслышных, но яростных выкриков перешел на злобное бормотание, а на желтый свет часто закрывал глаза.

Странно, зеленый и красный свет для него более приемлемы? Он в курсе, что они означают? Наверняка знает. Тот, кто придумал особую пытку, не отказал себе в удовольствии объяснить подсудимому устрашающие перспективы.

Елена поймала себя на мысли, что все чаще называет узника подсудимым. Но это же не суд, а фарс! Хотя, с какой стороны посмотреть.

Обычный суд тоже не лишен субъективности. Исход дела во многом зависит от личности судьи, прокурора и адвоката. А здесь их роль выполняет народ. Каждый может поставить себя на место судьи, защитника или прокурора. И проголосовать. Чем больше голосов, тем выше объективность. Не следует ли из этого, что общий голос народа справедливее единоличного решения судьи?

Отмахнувшись от неприличного для юриста вопроса, Елена перевела взгляд на итоги голосования. За несколько часов счетчики каждого исхода увеличились и продолжали расти буквально на глазах. Информация о сайте Sud Naroda распространялась со скоростью камнепада в горах. Красный цвет теперь опережал желтый, а зеленый – помиловать – существенно отставал. Народ требовал казни.

Что же изменилось?

В нижней части экрана всплывали строки, которые тут же сменялись другими – работал народный форум. Каждый мог в свободной форме изложить свое мнение о судебном процессе. Это еще одно отличие народного суда от казенного.

Следователь раскрыла сообщения. Желających высказаться было много.

Писали о том, как Панин работал детским тренером по плаванию и подвергал насилию маленьких девочек. Его осудили за шестерых потерпевших, хотя на самом деле, как уверяли некоторые, пострадавших от педофила девочек было больше. Не все родители хотели предавать огласке надругательства над своим ребенком.

Сейчас девочки выросли и двое из них признавались на форуме, что тоже стали жертвой сексуального насилия со стороны Панина. После таких сообщений форум вскипал с новой силой, и люди требовали вернуть смертную казнь для педофилов.

Были голоса и в защиту узника. Панин уже отсидел, вешали они, а если совершил новое преступление, его вину должен решить настоящий суд.

Снимите розовые очки, педофилы неисправимы! – отвечали им. Их ненормальную похоть останавливает только старость или болезнь. Мы должны спасти детей от насильников! Панин рано или поздно возьмется за прежнее. Пригласите его к своим детям учителем по плаванию, если такие добренькие. Мы и есть настоящий суд! Суд Народа – высший суд в стране, наконец-то власть нас услышит.

От эмоциональных сообщений Петелину отвлек звонок телефона. Она только сейчас заметила стационарный аппарат на своем новом рабочем месте и подняла трубку.

Говорил дежурный управления полиции:

– Елена Павловна, поступил звонок о жертве насилия со стороны Панина. Переключаю на вас.

В трубке щелкнуло, послышалось чье-то дыхание.

– Старший следователь Петелина, – представилась Елена. – Я вас слушаю.

– Я тоже ходила в бассейн, когда там работал Панин, – раздался тихий женский голос. – Он учил меня плавать, поддерживал рукой под водой и... Я думала, так надо, и ничему не удивлялась, пока он не залез мне в трусы.

Последовал откровенный рассказ о сексуальном надругательстве, пережитом девочкой в детстве. После мерзкой истории девочка отказалась ходить в бассейн и в любые другие спортивные секции. Вечно занятая на работе мама не стала разбираться в психологическом состоянии ребенка – ох уж эти детские истерики. А то, что дочь предпочитает затворничество в четырех стенах, так даже лучше – не нужно тратить время на беготню по секциям и кружкам.

– Назовите себя, – попросила следователь.

– Я бы не хотела. Столько лет прошло, все забылось, а тут увидела его, и нахлынуло. Все валится из рук, перешла на таблетки.

– Где вы увидели Панина? На улице? В кафе?

– Нет, на сайте Суд Народа.

– То есть, до сегодняшнего дня вы не встречались с Паниным и не вспоминали о нем?

– Слава богу, нет.

По интонации следователь поняла, что девушка говорит искренне и не имеет отношения к похищению Бориса Панина. Она не мститель, а безымянная жертва, отгородившаяся от кошмаров прошлого. Скорее всего, она не единственная, кто не заявил на Панина. Девочки стеснялись признаться и молча уходили в тень после надругательства, тем самым поощряя педофила. Как следователь, она должна была потребовать написать заявление, но как женщина и мама девочки разделяла желание потерпевшей.

– Как вы проголосовали? – поинтересовалась Петелина.

После паузы девушка ответила:

– Я молюсь, чтобы этой твари не стало.

Пару минут после разговора Елена приходила в себя. Худшее у этой девочки в прошлом, она отделалась сравнительно легко. Но были и те, кто пострадал неизмеримо сильнее. Их имена есть в уголовном деле Бориса Панина. Шесть девочек, которым было тогда от семи до десяти лет.

Петелина выписала их имена и основные данные в блокнот: Екатерина Антонова, Ксения Данченко, Валерия Мазина, Вероника Некрасова, Евгения Купцова и Анна Яковлева. У каждой из них исковеркана жизнь после надругательства педофила. И у каждой есть серьезный мотив для мести. А также у их родителей.

С кого начать проверку?

Двенадцать лет назад девочки ходили в один бассейн и жили недалеко друг от друга. Где они сейчас? Эта информация наверняка найдется в служебных базах данных различных ведомств.

Глава 10

1 июня. 11 часов до начала казни

На этот раз он доехал до тайного убежища на автобусе, вышел заранее и одну остановку прошел пешком, поглядывая, не следят ли за ним. А вот и заветное место, куда его так тянет – недавно построенный жилой дом. На первом этаже здесь запланированы магазинчики, кафешки, сфера услуг. Выше – жилые квартиры. Магазины еще не открыты, дом не заселен, но тут и там уже начат ремонт и строители с тюками и коробками, входящие в здание, совершенно рядовое явление.

Этим он и воспользовался сегодня днем, когда пронес в коробке усыпленную девочку.

Сейчас в его руках для отвода глаз был бокс для инструментов. Он открыл ключом дверь нежилого помещения, вошел внутрь и запер за собой. Рекламный баннер, закрывавший будущую витрину, отгородил его от улицы. Чтобы баннер невозможно было прочесть снаружи, он замазал витрину белилами.

Оказавшись внутри, он прислушался. Не смотря на поздний вечер где-то наверху гремит перфоратор, от которого трясутся стены, в паузах слышно жужжание дрелей, стук молотков – лучшей защиты от постороннего уха не придумаешь. Никто не услышит писка маленькой девочки, как бы она не старалась. К тому же, девочка находится в бетонном подвале за чередой плотных дверей.

Он прошел вглубь помещения и отпер дальнюю дверь. Лишний замок в таком деле не помешает. Он спустился на два пролета вниз и оказался перед еще одной на этот раз железной дверью. За ней его тайна, его желанный приз, его дьявольское наслаждение.

Рука нащупала нужный ключ в связке, подушечки пальцев потеряли его в сладком предвкушении. Он не спешил вставлять ключ в замочную скважину.

Момент ожидания напомнил ему трепетное мгновение пред тем как он коснулся этими же пальцами бархатной кожи девочки. К тому времени она очнулась после усыпления клофелином, пучила глазенки, ничего не понимая, и распахнула нежные губки, пытаясь закричать. Он в радостном вожделении накрыл ее рот своими губами.

Глупышка начала отбиваться, дергать ножками, извиваться, пытаясь выскользнуть из его объятий, но это его только раззадорило. Он сорвал с нее одежду, оставив на детском теле лишь белые гольфы, и наслаждался обворожительной малышкой. Он теснее сжимал девочку и неистово гладил ее, проникая рукой туда, куда хотел. Она подчинилась силе, смирилась и тихо хныкала, а его накрыла сильнейшая волна оргазма.

Сейчас он готов повторить прежнюю нежность с тактильными почти безвинными ласками, но жаждет большего. Сладкая милашка с бархатной кожей в его власти, он может взять ее силой любым способом, но его настоящее желание иное. Он хочет подружиться с девочкой. Она должна стать пайнкой и отвечать на его ласки взаимностью, ведь он ее нежно любит.

Педофил!

Да, так его назовут недалекие людишки, если тайна его подвала откроется. Они выплюнут это слово с осуждением, неприязнью и даже с ненавистью. А что в нем плохого? Ведь в переводе с греческого педофил означает – любящий детей!

Он именно такой человек, он любит маленьких девочек. Любит всем сердцем, от души, с благоговением. Готов носить их на руках, мыть в пенной ванной, расчесывать волосы, заплетать косички, дарить сладости и красивые платья, обнимать так, как родная мать не сможет.

Маленькие девочки чисты и непорочны, как ангелы. Смотреть на них – уже удовольствие, а прикасаться, гладить, раздевать и целовать – неопишное блаженство. При одной мысли об этом в его теле нарастает благоговейный трепет, готовый взорваться душевным салютом.

Что плохого, если он получает от любви к детям плотское удовлетворение? Его любовь естественна, не смейте ей мешать! Он хочет подружиться с девочкой, объяснить ей свои возвышенные чувства, научить раскрываться для ласк, чтобы ей тоже было хорошо. В жизни сплошь и рядом один любит, а другой позволяет себя любить. И оба счастливы.

А кретины, осуждающие подобные связи, душат личную свободу, тормозят развитие цивилизации. Еще недавно однополую любовь карали и осуждали, а теперь в развитых странах попробуй вякни против целующихся мужчин, тебя затравят. И правильно! Современная любовь раздвигает привычные границы. Долой устаревшие стереотипы!

Он никому не мешает любить кого хочешь и пусть ему не мешают! Уйдите прочь взрослые ханжи, выбросите устаревшие законы на свалку истории, не лезьте в его спальню с советами, а с девочкой он рано или поздно договорится. Это из-за вас, ретроградов, он вынужден прятать ее в темном подвале и держать на привязи, она страдает по вашей вине! А он желает ей только хорошего и любит ее больше чем все защитники детей вместе взятые.

С этими мыслями он открыл дверь и вошел в подвал. Освещения здесь не было. Ранее он оставил милой пленнице фонарик, потому что заботится о ней и не хочет, чтобы малышка пугалась темноты.

В дальнем углу заметался луч света, поймал его фигуру и поднялся к лицу. Он загородил глаза ладонью, подошел вплотную и вырвал фонарик из слабой руки.

Теперь он разглядывал обожаемую пленницу.

Девочка сидела на заранее купленном им матрасе, прижавшись спиной к бетонной стене. Она сумела надеть порванное розовое платье, руками обнимала коленки и затравленно смотрела на него.

Извини, мысленно сказал он, ты достойна царских хором, но из-за недоразвитого общества мы должны держать в тайне наши отношения.

В его глазах теплилась нежность, но встречный взгляд ему не понравился. Еще больше не понравилось то, что один из чудесных хвостиков на голове девочки распустился. Это неправильно!

– Отпустите меня, пожалуйста, отпустите. Я хочу домой, к маме, – захныкала девочка.

– Попей воды, – приказал он.

Он протянул ей бутылку, которую достал из бокса для инструментов. Там было самое необходимое для их свидания.

Девочка дернулась ему навстречу, схватила бутылку и жадно припала губами к горлышку – милая сердцу картинка. Он тем временем проверил ее оковы и похвалил себя, что отказался от грубых цепей.

Он использовал два велосипедных тросовых замка с регулируемой длиной. Один затянул вокруг ее талии, второй зацепил за первый и прикрепил к стене. Получилось комфортно: пластиковая оплетка не царапает кожу, девочка может лежать на матрасе, двигаться в полукруге, справлять нужду в пластиковое ведро, пользоваться фонариком. Талию пришлось стянуть туго, чтобы малышка не выскользнула. Да, это неудобно, но оковы временны. Как только они по-настоящему подружатся, он освободит любимую и задарит подарками.

Девочка опустошила полулитровую бутылку и еще некоторое время трясла ее во рту, ловя оставшиеся капли воды.

– Вот видишь, я хороший. Я сделаю тебе правильную прическу, – с нежностью в голосе сказал он.

Он опустился на колени рядом с малышкой, достал большой гребень, попытался расчесать ее волосы и заново сцепить резинками два хвостика, которые ему так нравились.

Девчонка отпихнула его, вскочила и отбежала, насколько позволил тросик. Ее лицо искажил страх, и она закричала, что есть мочи. Ее голос после выпитой воды стал пронзительно звонким.

Он поморщился от досады, схватился за тросик и рванул на себя. Девчонка вскрикнула, свалилась на матрас и очутилась в его руках.

– Не кричи, тебя никто не услышит, а я могу обидеться, – предупредил он.

Девочка зарыдала, беспомощно загораживаясь руками и коленями.

– Смотри, что я тебе принес. – Он развернул маленькие белые трусики. – Переоденься. Сними старые и выброси, они грязные.

Девочка сжалась в комочек и отодвинулась.

– Не хочешь? Тогда я сам.

Он обхватил девочку ниже талии растопыренными пальцами и сжал ладони. Хотел дожидаться особой волны тепла в паху, затем поцеловать пленницу и начать раздевать. Но девочка завизжала, вцепилась в него ногтями, стала царапаться, а когда он захотел впиться губами в ее губы, неожиданно укусила.

Он оттолкнул ее и встал. На некоторое время им овладел гнев.

Дура! Не понимает, что он может ее сломать, растоптать и грязно использовать. В мыслях он уже видел, как насилует девочку, наслаждаясь ее криками и болью. Потом одумался. Нет, не этого он хочет. Он готов подождать, чтобы добить взаимности. Пусть для начала она сдастся для видимости. Он сумеет расположить ее к себе, доказать, что любит, и тогда...

– Ладно, я подожду, – решил он. – Сейчас я оставлю тебя в покое, и ты сможешь поесть.

На маленький раскладной столик он выложил из бокса пирожное в пластиковой прозрачной упаковке и бутылку колы. Раскрыл упаковку, выложил пирожное, украшенное сочными ягодами малины, на салфетку. Сам отошел к двери.

Голодная девочка недоверчиво смотрела то на него, то на красивое лакомство. Потом нерешительно двинулась к столику.

Он успел первым и отодвинул стол подальше. Она сделала еще один шаг, тросик полностью натянулась, и он выдернул из-под ее руки столик с пирожным. Теперь столик стоял так, чтобы девочка почти касалась его, но не могла дотянуться.

Он заулыбался, видя ее голодный взгляд и беспомощные движения. Снял одну ягоду и на вытянутых пальцах протянул девочке. Она захотела взять ягоду в ладошку, он резко поднял руку и покачал головой.

– Не так. Ртом.

Девочка сжала губы. Он поднес малину к ее носу. Она отвернулась.

– Играешься, – заулыбался он.

Сунул ягоду между детских губ и раздавил сладкий плод о стиснутые зубы. Ухмыльнулся, заметив, как упрямец тайком облизала губы.

– Я приду завтра, мой Ландыш. А ты пока подумай, как себя вести. Будешь умницей, я тебя накормлю, прокачу на машине и отпущу к маме, – пообещал он. – Подумай, как следует, и не бойся меня. Мы должны стать лучшими друзьями.

Он ушел, последовательно заперев за собой все двери, ведущие на свободу, с полной уверенностью, что завтра малышка будет сговорчивее. Он заставит ее полюбить себя.

Глава 11

2 июня. 18:15. 2 дня 15 часов 15 минут до казни

Волны скандальной шумихи, порожденные реакцией обывателей на сайт Sud Naroda, быстро достигли чиновничьих кабинетов. Как все новое и неуправляемое, идущее не по разнарядке сверху, а из глубин народных масс, сайт вызвал оторопь, стремительно перебродившую на дрожжах тревоги за теплые места в негодование, а гнев, как водится, породил ответную реакцию. За отсутствием внятного козла отпущения в администрацию губернатора области была срочно вызвана следственная группа.

Вместе с полковником Шумаковым на разбор проблемы приехали четверо старших следователей, включая Елену Петелину. Ассистент вице-губернатора, крепко сбитая женщина в очках, похожая на школьного директора, мельком оценила следственную группу, безошибочно определила главного – Шумакова, и кивнула:

– Пройдемте за мной. – Спустя несколько шагов она кинула через плечо: – Касается всех.

Вслед за уверенным цоканьем каблуков по фигурному паркету четверо мужчин сурового вида и дама в легкомысленном платье прошлепали в комнату для совещаний.

– Располагайтесь. Анатолий Максимович сейчас будет. – Ассистент указала на длинный полированный стол в центре комнаты.

Пока Петелина разглядывала одинаковые по размеру портреты президента и премьера, на которых главные лица страны выглядели моложе своих лет, как в комнату тяжелой походкой вошел вице-губернатор Бельский. Недовольный взгляд шестидесятилетнего мужчины с загорелыми залысинами пристукнул каждого из собравшихся, как молоток шляпку гвоздя.

– Садитесь. – Бельский жестом пресек порыв некоторых офицеров встать.

Вице-губернатор занял место во главе стола под портретами руководителей государства, включил свой смартфон, поморщился от увиденной картинки, брезгливо продемонстрировал всем сайт Sud Naroda и шлепнул телефон на стол дисплеем вниз.

– Вы знаете, почему я вас вызвал, – заявил он и исподлобья посмотрел на Шумакова: – Поэтому без предисловий – доложите, что уже сделано?

Шумаков откашлялся в кулак и раскрыл тонкую папку из нескольких страниц.

– Мы установили личность закованного человека – это Панин Борис Игоревич. Ранее осужден за педофилию на четырнадцать лет, вышел по УДО два месяца назад. Проживает вместе с матерью в Митино, работает в кафе-пекарне «7 пирогов» в Красногорске. Сегодня около семи утра он должен был открыть пекарню и начать выпекать пирожки.

– Пирожки, – отчего-то повторил Бельский, барабанив пальцами по телефону.

– По нашим данным Панин приехал к месту работы вовремя, рядом найден его автомобиль «школа», но дверь пекарни не успел открыть. Видимо, в этот момент его и похитили.

– Похитили, – эхом отозвался Бельский, продолжая нервно стучать пальцами.

– Мы опросили жильцов дома, чьи окна выходят на служебный вход пекарни – никто ничего не видел. Панин исчез, его мобильный телефон был обнаружен в запертой пекарне. А в девять тридцать утра началась известная вам трансляция.

– Трансляция, – снова повторил Бельский и взорвался: – Вы думаете, мне интересны рассказы про пирожки? Я требую прекратить безобразие!

– Какое безобразие? – хладнокровно переспросил Шумаков.

– Вот эту вашу трансляцию! – чиновник потряс телефоном.

– Это не наша трансляция, а преступника, который похитил Панина и планирует с ним расправиться.

– Да мне наплевать на пекаря с пирожками! Вы что, действительно не понимаете, что происходит?

– Похищение человека с угрозой применения насилия, – ответил Шумаков.

– Самосуд – вот как это называется! – воскликнул губернатор и тут же понизил голос, словно собирался поделиться государственной тайной: – Недавно в сибирском поселке из-за паршивого педофила толпы народа вышли на улицы и буквально свергли главу города. Главу города, вы понимаете? И это не первый случай народной анархии. А если у нас здесь такое повторится? Мы не в сибирской тайге, а на глазах у Европы. И так имидж ни к черту, а если еще самосуд?

Бельский сдвинул брови и уперся огненным взглядом в Шумакова. Петелина поняла, чего боится чиновник, и пришла на выручку полковнику:

– Простите. Самосуд вершит неуправляемая толпа, а в данном случае имеет место цивилизованное голосование.

– Голосование, – с отвращением прошипел вице-губернатор и перевел взгляд на выбивающуюся из общего серого ряда ярко одетую женщину. – Вы кто такая?

– Старший следователь майор юстиции Петелина.

– И что же вы делаете?

– Участвую в расследовании. Ищу преступника, – казенным языком ответила Елена.

– Не тем занимаетесь! – вскипел чиновник. – Сначала заблокируйте провокационную трансляцию, а потом уже ищите кого хотите! Всем ясно?

Бельский обвел взглядом притихших мужчин. Однако Петелина не собиралась молчать. Что ей терять, она в отпуске.

– Быстро заблокировать сайт не получится. Для этого нужно решение суда.

– Суда? Вы издеваетесь? У вас под носом незаконный Суд Народа объявился, а вы в бумажной волоките погрязли! Вбейте в свою башку главное. – Чиновник для наглядности постучал себе по лбу. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы народ судил и карал. Это прерогатива власти! И если власть в моем лице требует закрыть вредоносный сайт, значит, закрыть и точка! И сделать это немедленно!

– Это трудно осуществить технически, – заметил один из следователей. – Каждый провайдер должен принять комплекс мер по блокировке сайта. Провайдеров много, они нерасторпны. Но даже это не панацея, в сети существуют контрмеры...

– Не пудрите мне мозги! – замахал руками Бельский. – Это ваши проблемы. Пока мы здесь сидим, народ решает за нас, кого казнить, кого миловать. А если они войдут во вкус и займутся решением других проблем? Без нас с вами. Это недопустимо! Сайт Sud Naroda – это заговор против власти!

Чиновник потряс дорогим телефоном и, наверняка, разбил бы его без сожаления, если бы ненавистная трансляция исчезла сразу у всех.

– Пресеките провокацию, задержите врагов, а мы уж их покараем. Чтобы впредь никакого Суда Народа! Это понятно?

– Так точно, – понуро ответил Шумаков.

– Тогда за работу! Все остальные дела по боку! Занимайтесь только этим делом особой государственной важности. Отчитываться мне лично на постоянной основе.

В коридоре Петелина нагнала Шумакова. Ее распырало негодование.

– Геннадий Александрович, вы не заметили, Бельский не заикнулся про узника, будто и не существует человека, закованного в цепи.

– Он ясно выразился, что ему плевать на всяких там пекарей. А ты к чему клонишь?

– Кого мы должны спасать? Того, кто в клетке, или вот этих в мягких кабинетах? – сделала жест рукой следователь.

Они шли по ковровой дорожке среди высоких дверей с позолоченными табличками.

– Слушай, Петелина, заканчивай с демагогией. Давай по делу. Где твой хваленый Головастик? Я тебе разрешил привлекать любого сотрудника.

Эксперт-криминалист Михаил Устинов по прозвищу Головастик был известен своим умением применять нестандартные подходы к загадкам следствия. Он хорошо разбирался в технических новинках и часто их использовал для раскрытия преступлений. Еще утром Петелина разослала своим сотрудникам ссылку на сайт Sud Naroda с пояснением: «Мы в деле. Срочно подключаемся». И получила подтверждение, что ребята рады работать с ней.

– Устинов готов. Какое будет задание? – спросила она.

– Пусть вычислит откуда идет интернет-трансляция. Ведь как-то видеокамера передает изображение в сеть.

– Не сомневайтесь, он этим уже занимается, – заверила Петелина.

Глава 12

2 июня. 19:00. 2 дня 14 часов 30 минут до казни

Когда Михаил Устинов получил от Елены Павловны ссылку на сайт Sud Naroda, он вывел картинку на большой монитор и стал изучать происходящее, как завзятый скептик. В эпоху фейковых новостей и эпатажа блогеров ради лайков в сети чего только не придумают.

Эксперт вглядывался в поведение узника, сверил его лицо с электронной базой данных осужденных лиц, исследовал детали обстановки, посмотрел постановочное видео с манекеном, послал сообщение на форум сайта, чтобы проверить реальность его работы, убедился, что таймер и счетчик голосов функционируют в режиме реального времени и откинулся на упругую спинку офисного кресла, взъерошив волосы.

Его вывод был неутешительным. Перед ним не ловко смонтированные кадры из криминального фильма и не игра загримированного актера. На стуле смертника находится реальный человек Борис Панин в ожидании вполне реального народного приговора. Хотя Панин в прошлом осужденный педофил, сейчас он жертва, и правоохранительная система обязана его спасти.

Эксперт-криминалист без приказа понял, чем может помочь расследованию и принялся за работу. Требовалось вычислить компьютер, через который идет интернет-трансляция.

Каждый компьютер в сети интернет имеет свой электронный IP-адрес. Уникальный набор цифр оставляет след в сети, по которому можно определить местоположение устройства. Но это в теории, когда пользователи законопослушны. Если же человек хочет замести следы, он подменяет реальный IP-адрес виртуальным. Еще лучше, когда поддельный адрес является плавающим. При каждом действии в сети генерируется новый адрес, не имеющий никакого отношения к конкретному компьютеру. Провернуть такое под силу только специально подготовленному пользователю. Чем сложнее алгоритм он задействует, тем труднее к нему подобраться.

В этом быстро убедился Головастик. Как ни старался эксперт найти дорожку к компьютеру злоумышленника, сделать ничего не удалось. Уж очень умный противник ему противостоял. Если бы не мучения жертвы в кадре, такого соперника и зауважать можно. А по факту Михаил чувствовал нарастающее раздражение от бессилия. Даже любимый горький шоколад не помогал.

В таком удрученном состоянии его и застал звонок Петелиной после совещания у вице-губернатора.

– Миша, ты меня чем-нибудь обрадуешь? – с ходу спросила следователь. – Вычислил, где прячется самозванный судья народа?

За несколько часов название сайта Sud Naroda как штамп отпечаталось в ее памяти, и следователь волей-неволей воспринимала организатора в качестве судьи, а тысячи проголосовавших в роли присяжных.

– Не получается, – честно признался Устинов. – IP-адрес плавающий. Компьютер, обеспечивающий трансляцию, может находиться как рядом, так и за тысячи километров. Никаких зацепок.

– Нам противостоит компьютерный гений?

– Я так не говорил. Прятаться всегда легче, чем искать, да и соответствующие программки в сети имеются, но компьютерными технологиями наш противник владеет на хорошем уровне.

– Чиновникам жутко не нравится Суд Народа, приказали заблокировать сайт. Это возможно?

– В какие сроки?

– Немедленно.

– Нереально, – покачал головой Устинов и пояснил: – Сами понимаете, нужно обращаться ко всем провайдерам, они потребуют решение суда, процесс затянется. Сейчас вечер пятницы, а к понедельнику сайт, если верить таймеру, сам прекратит работу.

– У меня этот счетчик уже в голове тикает, – призналась Петелина.

– Красиво задумано, – вырвалось у эксперта.

– Я вижу, круг фанатов народного судьи ширится.

– Констатирую факт. Кстати, полностью заблокировать сайт по любому не удастся. Под заголовком форума есть инструкция, как обойти блокировку.

– Ох, уж этот форум.

– Глас народа, так сказать. Из-за него чиновники бесятся?

– Из-за потери контроля. Если народ будет решать, кого казнить, кого миловать... – Петелина почувствовала, что уподобляется чванливому вице-губернатору, и перешла к делу: – Ладно. Пусть чиновники сами давят на провайдеров, а нам нужно найти другой путь к месту казни.

– Представляю, сколько оперативников сейчас прочесывают округу. Каждому на карте выделили по квадрату? – спросил эксперт.

– Это от бессилья. Ограничились столицей и областью, привлекли всех свободных сотрудников, но работы на месяц в лучшем случае.

Головастик представил карту, разбитую на участки, и пронизывающие их дороги.

– Кажется, у меня есть идея, – неуверенно произнес он.

– Выкладывай.

– Надо обмозговать. Позже свяжусь, – пообещал Устинов.

– Миша, хоть намекни.

– Если всемирная интернет-паутина не смогла подсказать дорожку к месту заточения Панина, придется прибегнуть к его величеству Логике, – туманно ответил эксперт.

– Работай, – смирилась следователь. – И сразу мне результат.

Закончив разговор, Головастик вывел на монитор подробную карту Московской области и принялся рассуждать.

В семь утра, как обычно, Панин подъехал к пекарне на своей «школе». Вышел из машины, закрыл ее, однако войти в кафе не успел. С большой долей вероятности именно в этот момент Панин оказался в руках похитителя. А в девять тридцать утра началась трансляция, где Панин уже сидел прикованный к стулу.

Итого, имеем на дорогу от места похищения до места заточения два часа тридцать минут. Но похитителю потребовалось время, чтобы открыть-закрыть двери темницы, затащить Панина, пристегнуть цепями к стулу, настроить аппаратуру, растолковать жертве его судьбу в ближайшие семьдесят два часа, включить трансляцию и исчезнуть. Предположим, на хлопоты ушло минут тридцать.

Следовательно, на дорогу остается максимум два часа. Куда можно уехать от пекарни за это время?

Устинов прикинул максимальную среднюю скорость – девяносто километров в час – и отметил на карте круг с центром в кафе-пекарне «7 пирогов» и радиусом сто восемьдесят километров. Посмотрел на результат, взъерошил голову – огромная территория, охватывающая густонаселенную столицу и часть прилегающих областей!

Нет, так не пойдет. Необходимо скорректировать расчет с учетом направления дорог, количества светофоров и утренних пробок.

В столицу похитителю вообще ехать глупо, там меньше вариантов найти укромное помещение для казни, зато больше шансов проколоться с пленником: попасть на глаза полиции, бдительных автомобилистов, застрять в пробке или угодить в ДТП. Это направление можно исключить.

Головастик оптимизировал оставшиеся маршруты. Он учел, что похититель готовил место казни не один день, ездил туда несколько раз, хорошо изучил дорогу. Наверняка он соблюдал скоростной режим, чтобы не получить штраф с камер видеофиксации, а если не желал вообще в них светиться, то выбирал второстепенные маршруты.

Постепенно огромный круг на электронной карте сжался и трансформировался в подобие лужицы с растекшимися вдоль извилин дорог щупальцами. Это и есть наиболее вероятная зона поиска. Данная карта оптимизирует работу оперативников, но вряд ли приведет к быстрому результату. Ведь неизвестно, что именно они должны искать.

Чтобы помочь с ответом на новый вопрос, Устинов переключил свое внимание на видеотрансляцию сайта Sud Naroda.

Первое, на чем фиксировался взгляд каждого – жертва в центре экрана. Его эмоции и осознание реальности происходящего держали в напряжении аудиторию. Также взгляд отвлекался на таймер с тикающими цифрами и на панель с итогами голосования. Меняющееся зелено-желто-красное освещение не позволяло взгляду сфокусироваться на периферийных деталях.

Но если не в силах видеть глаз, то справится техника.

Головастик разбил запись на кадры и стал укрупнять тот или иной участок. К каждому фрагменту эксперт применял цифровую оптимизацию изображения, в результате чего темные непроглядные пятна приобретали конкретные очертания. И он нашел то, что искал!

Стены помещения были оклеены звукоизоляционными панелями. В верхнем правом углу панель чуть съехала вниз, отчего приоткрылся стык стены и потолка. Эксперт максимально увеличил кадр и проанализировал поверхность – бетон! Стена была изготовлена из железобетонных плит.

Второй вывод напрашивался сам собой. То, что жертве не завязали рот, говорило о том, что помещение было уединенным и обособленным. Соседей нет – никто не услышит.

Михаил Устинов подготовил карту с фиксированной зоной поисков и описал, что именно надо искать. Скорее всего это обособленное строение из бетонных плит. Возможно, комната в заброшенном промышленном или административном здании. Также следует обращать внимание на частные гаражи, недостроенные дома, мастерские, закрытые магазинчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.